

МИСТЕРИУМ

ПОЛНОЧЬ ДИЗЕЛЬПАНКА

Алиев Боготолов Бурносовы Васильев Вереснев Вихров Вознесенский Градинар Данишевский Дашков Дербенева Еж
Женевский Кляжин Колжин Коротих Красноперов Леднева Просперов Свобода Тулина Чекишев Чернащина Шетинина

Андрей Дашков

**Мистериум. Полночь
дизельпанка (сборник)**

«Снежный Ком»

2016

Дашков А. Г.

Мистериум. Полночь дизельпанка (сборник) /
А. Г. Дашков — «Снежный Ком», 2016

ISBN 978-5-4444-3366-9

Мир победившего дизельпанка, в который явились Древние боги из Мифов Ктулху. Страшный сон Говарда Филиппса Лавкрафта, ставший реальностью. С осени 1939 года Земля пошла по иному пути под контролем могущественных и непредсказуемых существ из иных измерений. Обычный исследователь, ученый сухарь и педант, неожиданно начинает получать письма свидетелей Пришествия со всего света. Постепенно перед ним вырисовывается зловещая картина нового витка истории. Он ничего не может поделать, лишь читать и фиксировать чужие эмоции. Теперь он сам стал частью неведомого плана. И никто не может предсказать, что случится, когда будет прочитано последнее письмо

ISBN 978-5-4444-3366-9

© Дашков А. Г., 2016
© Снежный Ком, 2016

Содержание

Долина коз	6
Спасение – не для всех	14
Великая филиппинская мечта	21
Наше время и стекло	29
Псалмы субмарины	52
Армия Маннергейма	68
Рыжая бестия	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Мистериум. Полночь дизельпанка. Антология

Составитель Сергей Чекмаев

* * *

Мне кажется, я должен записать свои мысли. Рабочие дневники исследователя, которые останутся после меня, мало кому интересны – разве что таким же ученым сухарям. Но все, что я думал, ощутил и пережил помимо этого, все, чем я дышал во время работы в Мискатонийском университете, необходимо сохранить для будущего.

Пока я еще могу писать собственной рукой, пока мои глаза все еще принадлежат мне.

Пока еще помню, кто я такой, и могу рассказать вам об этом.

Не думаю, что моя история послужит кому-то уроком или предостережением: в наши дни происходит слишком много странного и страшного. Свидетельством тому – письма.

Не знаю, почему все эти люди пишут именно мне.

Я приехал в этот старинный университет три года назад, и все три года письма идут нескончаемым потоком. Напечатанные дорогой пишмашинкой на хорошей бумаге и наспех начерканные от руки на обрывках газет и сигаретных пачек.

Впрочем, нет. Одно письмо, самое первое, уже ждало меня. Судя по штемпелю, его отправили примерно за месяц до Пришествия, отправили именно мне, в этом не может быть сомнений, – в Мискатонийском университете тогда не было русских профессоров. Кроме меня, их нет и сейчас.

Тогда, в июле 1939-го, я еще даже не родился. И все это время письмо лежало в ящике для корреспонденций: я нашел его в первый же день, едва только служащий показал мне рабочий кабинет. Совет попечителей весьма благосклонно отнесся к рекомендательным письмам и сразу же дал разрешение на исследования. От щедрот мне выделили библиотечные часы, допуск в архивы и пыльный, пропахший канцелярским клеем и сажевыми чернилами кабинет. Похоже, он так и простоял пустым с самого открытия Мискатоника.

А что, если и письмо ждало меня с того дня? Оно не выцвело, не покособилось, бумага сохранила первоначальный цвет. И даже карандашные буквы остались такими же: местами слабыми и дрожащими, а местами – жирно выделенными. Там, где у автора, похоже, ломался карандаш. Или решимость.

Долина коз Татьяна и Юрий Бурносовы

Основано на реальных событиях, все имена и фамилии изменены

– Девочки, мне показалось, или кто-то в окно поскребся? – испуганно спросила Клавка, садясь в кровати. Ее ночная рубашка засеребрилась в лунном свете.

Оленька вскочила и прижала к оконному стеклу хорошенький курносый нос.

– Не видать... ой! Вот он!

– Кто?! – вскрикнула Клавка. – Черт?!

В полутьме раздались сдавленные смешки, кто-то заверещал в притворном испуге. Оленька отвернулась от окна и шикнула на нее:

– Тсс, тише ты! Всю Шарикову дачу перебудишь... Придумала тоже – черт...

– Ты же комсомолка, Кочубей, как тебе не стыдно? – спросила из угла Вера нарочито строгим голосом.

Девчонки снова прыснули. Словно вторя им, у столовой зафыркала и коротко заржала Звездочка – пегая дружелюбная лошадка, специально приставленная к Академической художественной даче для извоза продуктов.

– Клавка своими криками даже лошадь разбудила, – захихикала Лида Судакова.

Кочубей обиженно легла на свою койку, скрипнув панцирной сеткой, и накрылась одеялом с головой. Оленька потихоньку вытянула шпингалет и приоткрыла створку окна:

– Кто тут?

– Это я, Митяй, – высунулась из-за окна лохматая голова. – Девчата, винца хотите? Я у местного сторожа на винограднике выклянчил.

– А оно хмельное? – игриво спросила Оленька.

– Ой, хмельное, – мечтательно протянул Митяй и почмокал губами.

– Давай! – Оленька перекинула за спину толстую русую косу, высунулась в окно по пояс и протянула руку.

– Так вы пустите, я вам налью... А то как-то не по-человечески: я с гостинцами пришел и стою тут под окном, как распоследний Ромео.

Девушки в спальне возмущенно зашумели, захихикали. Вера накинула на плечи платок и тоже подошла к окну.

– Ты вино сюда дай, Ромео, а сам иди. Иди поспи. А то завтра у нас обнаженная натура, а ты не в форме будешь, – насмешливо сказала Вера.

Митяй разочарованно засопел, но большую бутылку, заткнутую кусочком сушеного кукурузного початка, все же отдал.

Вера дождалась, пока фигура Митяя скроется за кипарисами, где в отдельном домике жили парни, и прикрыла окошко.

– На щеколду закрой! – высунулась из-под одеяла Клавка. – Вернется еще и залезет!

– Кто, черт?! – хмыкнула Вера. – Нет, не закрою. Душно же. Лида, стакан давай.

Спальня оживилась. Захлопали дверцы тумбочек, кто-то зажег керосиновую лампу. Девушки, кто в ночных рубашках, кто закутавшись в простыню, перебирались на кровать Веры и усаживались, тесня друг дружку. Вера налила вина в стакан. Понюхала, сделала большой глоток и прикрыла от удовольствия глаза.

– Волшебство!

– Мне сегодня один из виноградарей сказал, что эти виноградники еще древние греки тут насадили... – сказала Оленька и отняла у Веры стакан. – Дай мне, я тоже хочу...

– Один из виноградарей? Так-так... Ну-ка давай рассказывай! – Лида толкнула Оленьку локтем в бок.

– Тише ты! Разольешь! – Оленька глотнула вина и передала стакан Лиде. – Ну что, ну виноградарь... Их тут много же!

– Молодой? Симпатичный?

– Ну, девочки! Перестаньте! Я в столовке утром замешкалась, а вы все без меня ушли. Между прочим, могли бы подождать! Я на вчерашнее место пришла – а там никого! Взмокла вся аж, между прочим! С этюдником же...

– Ты про виноградаря расскажи!

– Так я у него спросила, куда группа пошла. Вот он мне и объяснил.

Вера присвистнула:

– Это же как он подробно тебе дорогу объяснял – от времен Эллады до наших дней...

Девчонки захихикали. Постепенно стакан обошел весь круг и оказался в руках у Клавды. Она поболтала остатками вина, залпом допила их и сунула стакан Вере. Вера снова наполнила его. Клавда схватила с тумбочки мелкое яблочко, протерла его краем ночной рубашки и откусила сразу половину.

– А разве здесь греки жили? Я думала, только татары... – робко подала голос Марей.

– Олька, а твой виноградарь, он из греков или из татар? – тут же подхватила Лида.

– Откуда я знаю?! – рассердилась Оленька и снова перекинула косу за спину.

– Ну глаза, глаза у него какого цвета?

– Глаза... веселые глаза, кажется, черные. И нос такой с горбинкой...

– Ну точно – грек! Аполлон Бельведерский!

Раздался дружный хохот. Клава тоже заливалась тоненьким смехом, прикрывая рот ладошкой: смущалась щербинки между передними зубами. Затем, внезапно посерьезнев, сказала:

– Зря вы смеетесь, девочки. Легенды Древней Эллады гласят, что именно здесь, на Меганоме, расположен вход в царство мертвых.

– Ку-уда?! – округлила глаза Оленька.

Клава важно кивнула:

– Да-да. Именно здесь. Под водой есть специальные пещеры, поэтому так просто туда было не попасть. Но Одиссей дожидался отлива и спускался в гости к Аиду.

В спальне на мгновение наступила тишина.

– Дура ты, Кочубей! – с истерикой в голосе воскликнула Оленька. – Я же теперь спать не буду!

– А ну цыц обе! – прикрикнула на них Вера. Она была самая старшая из студенток, отучилась в училище памяти 1905 года, в выставках участвовала, там ее углядел Грабарь и дал рекомендацию в Суриковку. Веру слушались – и по старшинству, и по характеру она не церемонилась. – То им черти кажутся, то виноградары из царства мертвых... Вы бы к политинформации так готовились!

– Девочки, давайте спать, – примирительно сказала Лида, – вино все равно закончилось. И на этюды вставать завтра рано...

– Так разве завтра нет обнаженки? – хихикнул кто-то.

Вера улыбнулась:

– Обнаженку только Митяй писать будет. Но ему для этого путешествовать в Коктебель придется. Говорят, там до сих пор нудизм процветает.

Девушки разошлись по своим кроватям, перешептываясь и хихикая – видимо, про нудизм... Вера привернула фитиль в керосинке.

– А я вам точно говорю, именно здесь была древняя река Стикс, по которой Харон возил души в царство мертвых, – прошептала в темноте Клава, но ее уже никто не услышал.

Борис Викторович Таль, которого все студенты, а за ними и весь преподавательский состав называли не иначе, как Борвитель, проснулся задолго до рассвета. Тихонечко натянул рубаху, полотняные штаны и, ступая еле слышно, вышел во двор.

Вся Академическая дача еще спала. Он побрызгал из рукомойника себе на ладони и глядя в мутноватый обломок зеркала, пригладил редкий рыжий пух, обрамляющий лысину. Отступив назад, он чуть не опрокинул банку с уайт-спиритом, в которой студенты отмачивали кисти после этюдов. На звук из-под крыльца выскочил Шарик, дружелюбный пес безобразной дворовой породы, из-за которого к домику педагогов крепко приклеилось название «Шарикова дача», и весело завилял хвостом.

В это утро воздух был особенно свеж, хотя лето тысяча девятьсот тридцать девятого года выдалось на редкость жарким. Приходилось даже переносить часть пленэров под сень деревьев на территорию дачи. Студенты только радовались – каждый удобный момент отставляли этюдники и прерывали работу веселыми чаепитиями. Педагоги, впрочем, тоже не возражали. А сам Борвитель даже написал прелестную жанровую картину с девушками-студентками в саду за столом: крупная Вера в плетеном кресле, задорная Оленька с двумя косицами, в красном платице, Клава Кочубей и прильнувшая к ней Марья – застенчивая, но талантливая акварелистка, которой с трудом давалась письмо маслом.

Полноватый Борвитель плохо переносил жару, потому-то он и решил захватить расцветные часы для серии зарисовок. Время практики заканчивалось, осталось буквально несколько августовских дней – и в Москву, в Москву... отчетный показ, новый курс...

Борвитель подхватил этюдник и вышел за калитку. Пес Шарик увязался было за ним, но вскоре отстал, заинтересовавшись чем-то в придорожных кустах. Судя по веселому лаю, охотился на ящерицу или поджарого и драчливого крымского зайца. Не с голоду – питался пес не хуже самих преподавателей, – а исключительно развлечения для.

Борвитель направлялся на мыс Меганом. В предутренней прохладе взойти на нависающую над морем скалу ему не представлялось сложным. Вон покойный поэт Максимилиан Волошин тоже далеко не худой был господин, а пешком регулярно ходил из своего Коктебеля и в Феодосию, и в Судак, и даже сюда заезжал... Да не один, а с целой когортой маститых художников – тут перебивали и мирикусник Константин Кандауров, и мэтр живописи Богачевский, а в тринадцатом году вместе с ними здесь работали Рогозинский, Оболенская, Хрустачев и совсем тогда еще молодой живописец Людвиг Квятковский. Борвитель сам читал в шутильной рукописной газетке «Коктебельское эхо», что участников той поездки в Козах ждали «дни работы и зноя, ночи бездумного сна и неожиданных пробуждений из-за сколопендр, пауков и фаланг».

Да и сам Борвитель не впервые проделывал этот путь, привык уже – и где нога скользит, знал, и где камешек на тропе шатается... Фаланги и сколопендры, слава богу, не попадались.

Шагал Борвитель легко и даже принялся бормотать себе под нос Мандельштама:

*Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон.
Как быстро тучи пробегают
Неосвещенною грядой,
И хлопья черных роз летают
Под этой ветреной луной...¹ —*

¹ Осип Мандельштам, «Меганом». 1917 г.

но тут же осекся и быстро огляделся по сторонам. В прошлом году Мандельштама, с которым Борис Викторович был шапочно знаком, арестовали, и он сгинул в лагере. Не спасла даже быстро написанная длинная ода Сталину:

*И я хочу благодарить холмы,
Что эту кость и эту кисть развили:
Он родился в горах и горечь знал тюрьмы.
Хочу назвать его – не Сталин, – Джугашвили!²*

Конечно, вряд ли за кустами шиповника и дикой груши прятался соглядатай, который по паре строф угадал бы запрещенного поэта, но Борвитель предпочитал перестраховаться. К тому же по мере приближения к морю воздух становился словно насыщен водяными каплями, и Борвитель стало вообще не до стихов. Он слегка заволновался – неужели именно сегодня грянет такой редкий в долине Коз дождь? Впрочем, он все равно решил прогуляться к морю, а там уж как выйдет. Зря, что ли, вставал так рано?

Борвитель установил этюдник, закрепил подрамник с грунтованной холстиной, аккуратно разложил кисти и только после этого обратил взор на море. В предрассветных сумерках море, казалось, застыло, словно единый черный монолит. «Так вот ты почему Черное, – ласково подумал Борис Викторович... – И хлопья черных роз летают, мда...»

Угольком Борвитель легко наметил едва проглядывавшую линию горизонта. К тому моменту, как взойдет солнце, он хотел сделать подмалевок, но в это утро его планам не суждено было сбыться.

Внизу в долине испуганно и резко залаяла собака, за ней – вторая...

– Вставайте! Волна! – Дверь в спальню студенток распахнулась.

Девочки завизжали, еще не понимая толком, зачем визжат.

– Быстрее, она идет! – страшным голосом кричал Чугунов, старший преподаватель. Тщательно уложенный пробор его растрепался, рубашка была расстегнута до пупа, открывая бледную безволосую грудь с двумя заросшими пулевыми язвами – в начале двадцатых Чугунов воевал на польском фронте.

Он заметался между кроватями, хватал ничего не понимающих девушек за руки и, сдернув с кровати, толкал к дверям.

– Что?! Война?! – в ужасе взывала Клавка Кочубей, недослышав.

– Волна! Вода с моря идет. Стеной! Да бросайте вы эти тряпки, нужно бежать, бежать...

Напуганные девчонки потянулись к дверям, толкаясь и наперебой лопоча:

– Маш, это мой сандаль!

– Мы ж не одетые, Иван Максимыч...

– Это вы шутите так, да?!

– Какие шутки, дуры вы чертовы?! Скорее, скорее! Бегите направо, вдоль виноградника, на гору!

Чугунов выскочил из домика вместе с художницами. В кутерье никто не заметил, что Оленька Нерода так и осталась сидеть в кровати. Она сидела не шевелясь, не моргая, крепко сжав в кулаках край летнего одеяла, словно держалась за него.

– Туфля, туфля слетела, – отчаянно крикнула за окном Клавка.

– Брось, брось ее... БЕГИ-И-И, – страшно закричал в ответ Чугунов. В комнате Оленька даже не вздрогнула.

² Осип Мандельштам, «Ода». 1937 г.

Топот множества ног удалялся в сторону виноградника.
– Мама! – тонким голосом крикнул кто-то.

Собачий лай в долине перешел в долгий тоскливый вой и внезапно оборвался. Борвитель в ужасе слушал и слушал страшную тишину. Волну он заметил, когда та уже подошла вплотную к береговой полосе. Она двигалась совершенно беззвучно, просто приближалась, гигантская, невообразимая, дикой высоты волна. Борвитель даже сразу не понял, что происходит. А когда понял, волна уже прошла прибрежную полосу кварцевого песка и накрыла собой долину.

Преподаватель метался на мысе, слыша крики ужаса со стороны поселка и понимая свое бессилие.

Но и после того как волна спала, путь в долину ему был закрыт. Уровень моря словно бы поднялся на несколько метров и застыл.

Борвитель спустился вниз и только внизу понял, что это не вода, а черная, вязкая, но при этом странно прозрачная субстанция, в глубине которой что-то жутко и зловеще ворочалось. Тем не менее Борвитель мужественно сунул ногу в парусиновой туфле в эту массу. Туфлю немедленно засосало и едва не утянуло за собой ее владельца.

Борвитель вернулся к этюднику и сел на землю в полной растерянности. Что это такое, что за кошмар?! Разлив нефти, вырвавшейся из-под морского дна? Или масса водорослей, накопившаяся в глубинах и по некоей причине выплеснувшаяся на берег? Нет, глупости... Что гадать, махнул рукой Борвитель, к тому же его познания в области биологии, геологии и океанологии были не столь обширны, чтобы он мог судить о происходящем и найти ему сколько-нибудь научное объяснение.

Но что-то подсказывало ему, какое-то глубокое внутреннее чутье, что все, что он знал о мире до этих пор, теперь совершенно несущественно.

Кабинет следователя НКВД Хазановича был совсем не страшный. Покрашенные зеленой краской стены, портреты Сталина и наркома Берии, карта Крымского полуострова. На обычном присутственном столе – малахитовый письменный прибор, листы бумаги и желтоватые папки, заложенный кусочком клетчатой бумаги примерно посередине «Петр Первый» Алексея Толстого... Среди бумаг – соевая конфетка в пестрой обертке (видимо, чай пил и закатилась).

Сам старший лейтенант госбезопасности Яков Михайлович Хазанович тоже был совсем не страшный. Он все время курил папиросы «Зефир» питерской фабрики имени Урицкого, носил тщательно отглаженный мундир с поблескивающим орденом «Знак Почета», а внешнею напоминал Борвиталя доброго кондитера Френкеля, жившего напротив в те времена, когда маленький Борвитель еще бегал в гимназию. У кондитера всегда была для гимназистов небольшая скидка, а в праздничный день он даже мог бесплатно угостить какао со взбитыми сливками...

Старший лейтенант госбезопасности Хазанович, впрочем, какао со сливками Борвиталя не угощал. Только один раз – чаем с бутербродами, когда преподавателя как раз привезли из Крыма.

Следователь допрашивал Борвиталя уже в третий раз, и все про одно и то же. Наверное, так нужно было по каким-то правилам Наркомата внутренних дел, тем более что он не бил Борвиталя и не обижал. Просто задавал вопросы, те же самые, что в прошлый раз. Но это понемногу надоедало, и Борис Викторович начал тревожиться, а ну как в очередной раз запутается, сойдет, расскажет по-другому, а следователь подумает, что он что-то скрывает, врет, передергивает...

– Значит, вы уверяете, Борис Викторович, что поднялись на мыс Меганом еще до рассвета? – скучным голосом спрашивал сидящего на табурете преподавателя следователь.

– Именно так, товарищ Хазанович, – стараясь не раздражаться, уже в который раз объяснял Борвитель. – И мне пришлось пробыть там почти до самого вечера, пока не ушла, точнее, пока не ушло это... все Это.

Оно уползло обратно в море, оставив за собой абсолютно голые камни и коробки домов. Ничего живого. Ни кипарисов, ни старых яблонь, ни единой веточки винограда. Ни людей, ни животных.

Борвитель потерянно прибрел в сторону поселка. Сам не зная зачем, тащил на себе этюдник – наверное, чтобы хоть как-то упорядочить действительность, которая просто не укладывалась в его голове.

Поселок встретил его все той же зловещей тишиной. Он дошел до Шариковой дачи и опустил этюдник рядом с банкой, в которой, как ни странно, по-прежнему торчали кисти. Посвистел. Нет, умом он понимал, что Шарика больше нет...

А потом он услышал шорох. В спальне девочек. Медленно, держась за сердце, он подошел к окну и, глубоко вздохнув, заглянул внутрь...

– ...И что вы увидели? – равнодушно спросил следователь и Борвитель повторил:

– Студентка Нерода стояла на коленях в одной рубашке для сна и что-то беззвучно шептала. Я попытался привести ее в чувство, но она не видела меня, не реагировала на звуки, и я понял, что разум покинул ее. Я завернул ее в одеяло и всю ночь нес на руках до дороги, где нас подобрал на телеге гражданин Айвазов, житель Судака...

До следователя Хазановича Борвитель рассказывал все это несчетное число раз – сначала перепуганному жителю Судака гражданину Айвазову, затем начальнику милиции в Судаче, потом более молодому следователю в Симферополе. Теперь вот его привезли в Москву...

Но ни единой душе Борвитель не сказал о том, что весь пол спальни, все кровати, тумбочки – все было завалено листами бумаги. И на всех один и тот же рисунок: сплюснутая рыбья голова с выпученными глазами, которые тем не менее поражали пронзительным, холодным, осмысленным взглядом.

А Оленька Нерода стояла на коленях и рисовала, рисовала эту жуткую голову, покрытую рыбьей чешуей. Рисовала и шептала: «Жабья икра, жабья икра».

Он никому не сказал, что весь подол Оленькиной рубашки был исполосован словно бы ножами и покрыт липкой слизью.

Не рассказывал он, как, выкручивая девушке руки, переодевал ее в чистое, как выдирает из руки графит, спеленывал, тащил на улицу.

Не рассказывал, как сгреб в кучу всю бумагу и поджег прямо в спальне, опрокинув туда же керосинку...

– И что мы в результате имеем?! – неожиданно брезгливо произнес следователь Хазанович. – Совершенно безумную студентку Нерода Ольгу Львовну, члена ВЛКСМ, кстати говоря...

...Как дотащил ее до озерца и пытался привести в чувство, но увы.

Как разжимал ей зубы, чтобы влить глоток воды, после чего она наконец перестала шептать и уснула. А он все боялся, что она умрет... Борвитель никому ничего не сказал, потому что когда черное вязкое Это уползло обратно в море, он стоял так близко, что увидел в глубине субстанции виноград. Гроздь черного и зеленого винограда, стебли которого опутывали неподвижные тела людей и животных. Он видел своих студентов, коллег-преподавателей, видел пса Шарика. Все это медленно проплывало перед ним. Он стоял, не в силах пошевелиться, потому что оттуда на него смотрели выпученные глаза, которые поражали пронзительным, холодным, осмысленным взглядом. Тысячи пар глаз...

– ...Совершенно безумную и к тому же беременную, – закончил фразу следователь. – Ну и для чего же вы так с ней, гражданин Таль?

Борвитель в ужасе уставился на него.

Спустя девять месяцев Бориса Викторовича Талья отпустили из Бутырской тюрьмы – где он, к слову, сидел в той же камере, где некогда поэт Мандельштам, – домой.

Отпустили, сухо извинившись и сообщив лишь, что студентка Нерода родила Избранного. Не стали даже вспоминать о прицепленных к делу об изнасиловании связях с репрессированными ранее художниками Кржеминским, Падалкой и Эппле, дальнем родстве с репрессированным же главсанврачом РСФСР Кангелари и еще каких-то связях с некими людьми, которых Борвитель не помнил и не знал. Собственно, отпускали многих, потому что понимали, что сами превращаются в дичь.

Борис Викторович шел по Большой Дорогомиловской, держа в руке узелок с камерными пожитками. Он оглядывался по сторонам, пытаясь понять, что же изменилось вокруг.

Москва выглядела почти такой же, какой он оставил ее год назад, уезжая с Киевского вокзала в Крым. Люди ели мороженое в круглых вафлях, в кинотеатрах шли новые фильмы «Тимур и его команда» и «Музыкальная история», по улицам ехали блестящие черные «эмки» и длинные обтекаемые автобусы... Но одновременно все было не так. Наверное, подобное ощущение испытывает мышь, попавшая в мышеловку-клетку. Она уже не может выбежать на свободу, дверца ловушки захлопнулась, вокруг – железные прутья, которые не перегрызть, но мышь не обращает внимания, она рада, что добралась до своего вожделенного сыра. А про то, что наутро хозяйка с визгом вытряхнет ее в помойное ведро и утопит, она даже не думает. Мышь не может думать, а люди – не хотят...

Хотя к этому времени весь мир неузнаваемо изменился. И Борвитель знал, что так будет. Уже в то предзвездное утро тридцать девятого на мысе Меганом, когда что-то подсказало ему, какое-то глубокое внутреннее чутье: все, что он знал о мире до тех пор, теперь совершенно несущественно.

Поэтому он с опаской вглядывался в лица встречающих москвичей, до холода внутри боясь, что среди них мелькнет сплюснутая рыба голова с выпученными глазами.

* * *

В моем архиве много писем из Советской России, очень много. Из всех ее нынешних частей, в которых теперь и не разберешься так сразу. Карта моей родины – как живой бульон: булькает, шевелится, *меняется*. То и дело появляются новые страны и образования, как пузыри кипящего варева, чтобы через месяц-два, через год исчезнуть и больше никогда не возникнуть на поверхности.

Мы еще поговорим об этом.

Но сейчас я о другом. О том первом всплеске Пришествия, в далеком уже тридцать девятом. В год, когда мир ждал Большой войны, но вместо нее пришло Великое изменение, новая судьба нашей планеты. Многие не сразу почувствовали явление Мифов. Самые чуткие – лишь ощутили, краешком сознания дотянулись до факта чужого присутствия. Недалеким и твердолобым просто снились кошмары, недоверчивые отворачивались от радиоприемников и недоуменно вопрошающих газетных полос.

И все же, если судить по моей корреспонденции, были места, где Пришествие стало ясным для всех, словно неотвратимый карающий молот. Большинство из них находилось на побережье.

Невозможно отвернуться от фактов, бессмысленно игнорировать десятиметровую стену воды, готовую погresti под собой твой город. Можно бежать, можно просто закрыть глаза и ждать конца. Не знаю, что лучше. Спасение бесполезно: даже если волна не догонит

беглеца, она придет снова, чтобы накрыть его с головой. И он в любом случае захлебнется, только теперь уже не физически, а внутри себя. В душе.

Спасение – не для всех

Олег Богомоллов

На террасе пахло керосином. Немногочисленные посетители таверны жались по углам, стараясь не беспокоить Реда – длинноволосого старика в помятой длиннополой одежде, пропахшей копченой рыбой. На столе перед ним стояла керосиновая лампа, железная кружка с пивом, жаркое из лангуста в большой алюминиевой тарелке и разобранный на части «смит-вессон» русского образца. Каждую очередную порцию старик прожевывал долго и тщательно. В это время он поворачивал голову в сторону океана. Тот, кто проходил снаружи, мог заметить, что взгляд его в это время становился совершенно отсутствующим, глаза делались словно бы стеклянные, закатные лучи отражались в них легкими всполохами – казалось, что алые мотыльки выпархивают из его глазниц и растворяются в тяжелом влажном воздухе.

Запив лангуста темным, мутноватым элем, он принимался за чистку револьвера. Кусок тряпки для чистки он срезал с рукава собственной же куртки, который от этого стал еще на один дюйм короче. Вместо оружейного масла, которое в этих местах было большой редкостью, он использовал керосин, который позаимствовал из лампы, что стояла на его столе. Бармен хотел сделать ему замечание, но хозяин таверны одернул его и велел включить стоимость керосина в счет. Когда старик уйдет, хозяин таверны переложит этот счет в толстую бухгалтерскую книгу, где хранятся все счета должников.

Ред не оплачивал счета в его таверне уже более трех месяцев, но это почему-то не беспокоило Гарри Тауба – так звали владельца таверны. Никто не понимал, почему он так снисходителен к этому старику, от которого были лишь одни неприятности. Не понимал и сам Гарри, что крылось за этим отрешенным взглядом Реда, которым он вглядывался в океан. Но какое-то шестое чувство приносило в его душу странное спокойствие, когда старик перешагивал порог его таверны. Каждый раз он говорил себе, что это уж точно в последний раз. Что больше он не допустит этой нелепой благотворительности. Но стоило этой высокой исхудалой потрепанной морской псине переступить порог, и он ничего не мог с собой поделать.

Рут Макензи не любила своего главного редактора. Она считала его подлецом и пройдохой, который делал все, чтобы ее карьера в «Morning Star» была не слишком успешной. Вот и теперь – что, спрашивается, она делает в этом Мосадише, в городе, где, по словам коллег, днем с огнем не сыщешь не то что приличного бурбона, но даже дешевого виски? И это за две недели до Миллениума. С первых минут приземления дирижабля она почувствовала здесь себя чужой. Ее светлая льняная одежда, такая удобная и практичная на улицах Лондона, здесь выглядела белым пятном на фоне ярких одежд местных банту. Хорошо еще, что удалось заполучить номер в гостинице с горячей водой и отсутствием малярийных комаров. Иначе бы она немедленно купила обратный билет. Ну скажите, кому нужна эта статья о нелепой причуде местной королевской семьи, которая повелела возвести вокруг Мосадиша огромную стену – высотой почти в сто футов? Кого на туманном Альбионе сейчас может заинтересовать эта новость?

Однако после третьего дня пребывания в этом огромном портовом агломерате Рут изменила свое мнение. Она была поражена масштабом развернувшегося за городом строительства. Каждое утро, как только поднималось солнце, она наблюдала из окна гостиницы, как сотни небольших маневренных вертолетов поднимались в воздух, таща на стену строительные блоки из пористого материала. Как ей удалось выяснить, изготавливались они из глины, песка и специальной клеевой массы, рецепт которой держался местными произво-

дителями в строжайшем секрете. Говорили, что состав этого клея был передан африканцам подземными жителями, которые являлись хранителями рудников. Именно благодаря этим рудникам, а если быть более точным – наличию крупных залежей экопина, небольшое африканское королевство продолжало оставаться независимым от крупнейших земных корпораций. Экопин – органическое соединение, которое использовалось для производства наиболее экологичного из всех видов топлива – экодизина, применялось в двигателях внутреннего сгорания машин, курсировавших по подземным тоннелям. Отсутствие вентиляции во внутренней сети тоннелей требовало, чтобы продукты сгорания топлива были не токсичными, быстро распадались или же впитывались в горную породу. Открытие экопина позволило Мосадишу покончить с морским пиратством и за пару десятилетий создать на западном побережье Африки крупный торговый и культурный центр.

Но что же так взволновало местную элиту, что она в срочном порядке решила отгородить мегаполис со стороны континента огромной стеной? Причем работы велись в таком спешном порядке, что создавалось впечатление, что не сегодня завтра местное население ожидает нашествия полчищ варваров. Рут помнила, как они смеялись в редакции этой затее африканцев, ведь на дворе скоро настанет двадцать первый век – дирижабли и геликоптеры давно уже обследовали все закоулки планеты. В Африке не осталось ни одного крупного государства, способного на серьезные военные действия. Все же подземные тоннели надежно охранялись МВС – международными военными силами.

Однако здесь, на узких улицах Мосадиша, опасения местного населения не казались такими уж смешными. За эти три дня Рут узнала, что над возведением стены трудится почти все трудоспособное население королевства. Эти люди были молчаливы и немногословны, когда она пыталась расспрашивать их о том, что они думают по поводу этого строительства. Чаще всего они вежливо улыбались в ответ на ее вопросы и говорили что-то про предупреждение подземных жителей. Это было все, что ей удалось узнать за это время.

Принимаясь за статью, Рут полагала, что за пару дней состряпает экзотическое блюдо о помешанных на своих подсознательных страхах африканцах, добавит в него парочку местных колоритных персонажей и, сдобрив весь этот апокалипсический нуар хорошей порцией сарказма, купит билет на ближайший пассажирский дирижабль до Лондона. Но чем дальше продвигалась статья, тем больше вопросов рождалось в ее перегретом, уставшем от жары и всеобщего помешательства мозгу. Она никак не могла взять в толк – почему до сих пор крупные международные корпорации, которые де факто являются основными пользователями подземных тоннелей, платят банту миллиардные суммы за экопин, вместо того чтобы просто захватить власть в этой стране. Может быть, банту умело манипулируют разными силами, срамливая их между собой из-за топлива? Это было не лишено смысла. Но это не могло продолжаться вечно. Не готовятся ли африканцы таким образом к международной интервенции? Эта мысль ее напугала. Если бы она пришла к ней в тихом и уютном кабинете на Хокней Вик, то она бы только посмеялась ей. Но здесь, за тысячи миль от дома, среди людей, о которых она по большому счету ничего не знает, ей вдруг стало по-настоящему страшно. Что, если сегодняшний пассажирский дирижабль в Лондон был последним? От этих мыслей лицо ее вдруг обдало жаром. Сознание на несколько секунд скользнуло в темную дверь, за которой она вдруг отчетливо увидела разъяренную толпу, врывающуюся в ее номер. Муха на подоконнике вдруг показалась ей шпионом, который незаметно следит за ней, а в непонятном разговоре за окном почудилась скрытая угроза. Это состояние было слишком отчетливым, не надуманным, воспринимающимся всеми органами чувств так же ярко, как и все окружающие ее формы, запахи и звуки. Это не было для нее в диковинку. «Вновь шатнуло», – подумала она, достала из бара бутылку местной тростниковой водки и плеснула в стакан крупную порцию. Она знала – это было надежное лекарство от подобного страха. И действительно, алкоголь стряхнул это нелепое видение. Но в голове осталось

ощущение присутствия какого-то мощного интеллекта, с любопытством и симпатией рассматривающего ее мысли. И чувство, что существо, которому он принадлежит, находится где-то глубоко под толщей морской воды. Она плеснула в стакан еще водки. Прежде чем отправиться спать, Рут выглянула в окно. Сотни строительных вертолетов возвращались со стены на базу. В лучах заходящего солнца они выглядели как стая огромных красных медуз.

Баркас Реда возвращался из плавания вновь почти пустым. Двое его помощников – крепкие ребята из племени герера – тихо переговаривались между собой на местном диалекте. Они выглядели чертовски раздраженными, поскольку заработать вновь не удалось, и были уверены, что в этом виноват старик, который не почитал должным образом морских богов и поэтому потерял удачу. А он и не собирался оправдываться перед этими диковатыми людьми. Несмотря на свою старость, Ред не склонен был вдаваться в религиозный фанатизм. Если Ктулху и вправду существует, думал он, то какое ему дело до одинокого баркаса в Атлантике, вышедшего на рыбный промысел. Для рыбака куда как важнее уметь ориентироваться в море, знать, когда ожидать шторма и уметь обходить подводные течения. Рыба для того и создана, думал Ред, чтобы быть пропитанием человеческого рода, который проживает у побережья. Так было испокон веков.

Его гораздо больше волновало другое. Вот уже вторую неделю они выходили все дальше и дальше в океан, но рыба словно исчезла из акватории. Пустым приходил не только его баркас – все рыбаки Мосадиша последнее время жаловались на плохой улов. Среди населения ходили слухи, что это Ктулху прогневался на людей за то, что они почти уничтожили одну из популяций медуз, которые использовались для приготовления строительного клея. С возведением стены потребность в нем существенно выросла и Ред прекрасно знал, что этих медуз уже почти не осталось в ближайших десяти милях от Мосадиша. Ред не знал, для чего строится стена, кого опасаются правители королевства. На его взгляд, океан, лишенный живых существ, выглядел куда более пугающим и опасным, чем все призраки пустыни вместе взятые.

В холле гостиницы царил суета. Персонал, постояльцы и несколько случайных прохожих, тесня друг друга, сжались в полукольцо вокруг телевизора. Рут прошла вдоль большого аквариума, заметив, как прижались к стеклу зубастые рыльца серебристых пираний, словно бы их тоже интересовало происходящее в вестибюле. Рут подошла к собравшейся толпе. Черно-белый экран рябил от плохого сигнала, картинка периодически пропадала, но звук был громким и довольно четким.

– Граждане Мосадиша! Мы должны прекратить это безумие. Еще несколько дней строительства, и океан опустеет. Кто тогда накормит наших жен и детей?! – Человек в одеянии священника был высок ростом, длинные волосы ниспадали на его лицо, в глазах горел огонь. Его можно было бы принять за бесноватого, если бы его речь не свидетельствовала об обратном. Рут подумала, что образ рок-музыканта подошел бы ему больше, чем образ священника. И действительно, он стоял на небольшом возвышении, сооруженном из строительных блоков, словно рок-звезда в окружении своих поклонников. Вокруг него сгрудились мужчины, женщины, дети – на их лицах застыл страх. Они вслушивались в то, что он говорил, надеясь услышать слова надежды и ободрения, но слышали лишь обреченность.

– Кто это? – осторожно спросила Рут горничную, которая убирала на ее этаже.

– Кераус. Сектант, – шепотом произнесла она, словно боясь, что ее услышат.

Рут поняла, что большего ей здесь не скажут, и продолжила слушать, что говорил этот странный тип в телевизоре.

– Королевская семья ныне больше не поклоняется кресту. Черные мессы, которые они служат дьяволу преисподней, скоро обрушат на нас ненависть богов! Бог океана уже лишил

наши воды рыбы! Бог неба не посылал нам дождь уже больше двух месяцев! От кого мы пытаемся отгородиться этой стеной? Нам говорят – это не нашего ума дело. Подземные жители велели строить стену. Дьявол велел строить, не удосужившись объяснить – какого врага нужно опасаться нашему народу! Но что будет с нами завтра, если рыба так и не вернется к нашим берегам?!

Дальше Рут слушать не стала. Она поняла, что ее страхи были не беспочвенны. Необходимо было срочно заканчивать статью и скорее убираться из этого места. Если этот сектант говорит правду и в Мосадише действительно служат черные мессы, то это прямой повод для вторжения международных военных сил. Никакие залежи экопина не спасут королевскую семью от обвинений в сатанизме. Рут почувствовала, как страх просачивается в воздух Мосадиша из-под земли, страх крылся в морском бризе и палящих солнечных лучах. Страх выбрал Мосадиш своим пристанищем. Она направилась на аэровокзал, чтобы узнать о ближайшем рейсе до Лондона.

– Ред, к тебе гости! – Торговец-гереро, который покупал у Реда рыбу, шел к баркасу с высокой европейкой в светлом льняном костюме. Девушка выглядела уставшей и немного напуганной. На плече у нее болталась сумка-планшет.

– Здравствуйте. – Она протянула Реду тонкую загорелую ладонь. – Я Рут Макензи из «Morning Star». Ее португальский был не очень хорош.

– Можете говорить по-английски, – сказал он. – Потом он повернулся к африканцу и на местном наречии зло произнес: – Я же просил тебя, Тони, больше не таскать ко мне журналистов.

Улыбка сошла с лица торговца, и он ответил:

– Она хорошо заплатила. А ты мне до сих пор не вернул долг.

Затем на ломаном английском он обратился к Рут:

– Ред сказал, что всегда рад гостям. Когда закончите, я отвезу вас в гостиницу.

– Откуда вы узнали обо мне? – спросил Ред гостью.

– Статья в местной газете. Меня очень заинтересовало ваше прошлое. А точнее – экспедиция в Тибет в 1965-м.

– Это было очень давно. И все, что я знаю, есть в той статье. Мне нечего добавить.

– Насколько я поняла, это была международная экспедиция. И ее целью был сбор информации о магических практиках ряда тибетских народностей. Вы тогда жили в России и работали на ОГПУ.

В это время над ними пронеслись три вертолета с грузом строительных блоков.

– Вы смотрели сегодняшние утренние новости? – вдруг спросил он ее.

– Только выступление какого-то местного сектанта. Странно, что таких людей здесь показывают в новостях.

– Вы не правы. Кераус не сектант. Вернее, его хотят выставить таким. На самом деле он глава местной протестантской церкви. Он влиятельное лицо. Особенно среди бедного населения.

– Так вы думаете, что его слова о черной мессе – это не выдумки?

– Вы спрашивали меня об экспедиции?

– Вы не хотите отвечать на мой вопрос?

– Так вот, это была не научно-исследовательская экспедиция. Это была карательная экспедиция международной жандармерии. Ее целью была ликвидация нескольких центров черной магии на Тибете и в Центральной Азии.

– Но ведь многие материалы были вывезены участниками экспедиции в Европу и Россию. В плен были захвачены лидеры черных культов, но вся информация о них впоследствии была засекречена. Не так ли?

– Я был простым охранником. Я не специалист по оккультным наукам. Но то, что вы сказали, – правда. Правда и то, что нас, российских участников экспедиции, пытались уничтожить, представив это несчастным случаем. Нам просто сильно повезло тогда. А теперь подумайте – человечество когда-нибудь отказывалось от разработок секретного оружия?

– Вы хотите сказать, что полученные сведения не легли в архив, а...

– Я знаю лишь то, что уже две недели мой баркас возвращается из океана пустым. Вся морская живность ушла от побережья далеко в океан. Это плохой знак.

– Строительство этих стен напоминает мне безумие.

– Это безумие вопиет из этих стен. Целая колония медуз была уничтожена всего за пару дней. Это ли не черная месса?

– Что вы хотите этим сказать?

– Бог океана всегда защищал людей, живущих на побережье. Но здесь они перешли черту. Океан отвернулся от Мосадиша. Вы уже купили обратный билет на дирижабль?

– Да. Сегодня вечером я улетаю.

– Тогда сегодня, на дирижабле, вы все и поймете.

Гарри Тауб проверял бухгалтерские счета. Его таверна второй месяц приносила одни убытки. Люди сэкономили на всем и редко заходили в его заведение. Хорошо еще, что он так и не решился жениться – иначе бы сегодня ему пришлось глядеть в полные упрека глаза жены и детей. Мысль о том, что с этим бизнесом пора заканчивать, приходила на ум ему не раз. Но его сердце прикипело к этому городу, к этим добродушным людям и к океану, чья сила, по разумению Гарри, питала его душу и укрепляла разум.

– Гарри. – На пороге его таверны стоял Ред.

– Мы уже закрылись. Вы опоздали, – ответил он твердо.

– Это не важно, Гарри.

– Тогда зачем вы здесь?

– Я пришел за тобой, Гарри. Оставь счета – они тебе больше не понадобятся. Возьми деньги, документы. Любые ценности, которые можешь унести с собой.

– Что-то случилось?

– Скоро случится. Если хочешь остаться в живых – собирайся.

– И куда я должен идти?

– На моем баркасе хватит места для тебя. Я отчаливаю через три часа. Ты можешь сойти на берег в любом из портов вверх по побережью. Что делать дальше – решай сам.

– Может быть, вы сначала объясните, что происходит?

– Это вопрос доверия, Гарри. У меня нет времени тебе все объяснять. Считай, что таким образом я хочу вернуть тебе долг. В конце концов, ты всегда можешь вернуться – если передумаешь.

Долго уговаривать Гарри Тауба не пришлось. Он почему-то подумал, что старик хочет спасти ему жизнь. И это было правдой.

На аэровокзале царил неразбериха. В зале ожидания внезапно появились полицейские и оттеснили людей от выхода на посадку. Рут была поражена такому хамству, но как журналист с интересом наблюдала за разворачивающимися событиями, пытаясь найти им разумное объяснение. Все прояснилось довольно быстро. В окружении охранников на посадку проследовала королевская чета и высшие должностные лица Мосадиша. Только после этого посадку разрешили и остальным пассажирам. Рут успешно прошла пограничный контроль, но далеко не всем посчастливилось так же, как и ей. Почти все местные жители были остановлены пограничниками под какими-то предлогами. Лишь иностранцам не чинилось никаких препятствий. Уже находясь на борту дирижабля, Рут поняла, что места на всех не хватит

и лица, задержанные пограничниками, так и останутся на аэровокзале. Дирижабль поднимался вверх. Рут вглядывалась в стекло иллюминатора и наблюдала, как снуют от базы к стене со строительными блоками труженики геликоптеры. Она не могла знать, что все оставшиеся внизу люди были обречены и что никто из них не доживет до следующего утра.

В нескольких милях от Мосадиша, на дне океана, пять водолазов вышли из батискафа. Кроме обычного снаряжения они несли с собой несколько килограммов тротила. Возглавлял группу геофизик, специалист по движению тектонических плит Фил Кори. Остальные четверо являлись сотрудниками диверсионного отдела Международных военных сил. Место, которое было рассчитано в специальной лаборатории для закладки взрывчатки, выглядело совершенно пустынным. Диверсанты переглянулись, обменявшись понимающими взглядами. Этих опытных следопытов трудно было провести даже на дне Атлантического океана. Это место еще совсем недавно было вполне обитаемым – об этом свидетельствовали мельчайшие детали дна и скудной растительности. Но вся морская живность, словно по приказу, покинула это место. Это свидетельствовало о том, что секретные международные договоренности будут соблюдены и морские жители не станут чинить препятствий. Уточнив по связи место своего положения, диверсанты приступили к закладке взрывчатки.

Ночью Мосадиш накрыла плотная стена дождя. Люди просыпались от мощного порыва ветра, от громовых раскатов и барабанной дробы потоков воды, обрушившихся на их дома. Бедняки, проживающие в скромных, построенных из разного подручного хлама лачугах, спешили во двор, чтобы открыть большие бочки, используемые для хранения воды. Они молились Богу, что тот послал им долгожданный дождь. Несмотря на ураганные порывы ветра, они улыбались и казались даже счастливыми от этой милости природы.

Временная взлетная площадка геликоптеров, сооруженная для экономии топлива прямо у подножия городской стены, вмиг наполнилась водой, которая поднималась все выше и выше, затапливая подход к машинам. Несколько пилотов хотели было броситься на спасение к машинам, но потом поняли, что поднять их в такой ливень просто невозможно. Кроме того, они были уверены, что ураган скоро закончится, поскольку в это время года здесь никогда не бывает затяжных дождей.

Стену воды более двадцати метров в высоту первыми заметили жители, проживающие в кварталах у побережья. Волна приближалась так быстро, что у них просто не было времени принять правильное решение, поэтому все они бросились вверх, к городской стене. В несколько минут весь город уже проснулся и напоминал огромный муравейник, жители которого, кто молча, кто отчаянно ругаясь, спешили найти убежище в верхних кварталах города. Однако волна была слишком высока, чтобы остановиться у подножия. Она ворвалась в город и, стиснутая городскими стенами, лишь усилила свою разрушительную мощь. Город очутился в водной западне. Люди боролись со стремительными водоворотами, которые превращали любой предмет в смертельное оружие. Возможно, что кому-то из них удалось бы избежать смерти – ведь многие из них были опытными моряками, для которых буйство морской стихии не было в новинку. Но когда город превратился в один большой аквариум, зажатый с одной стороны океаном, а с другой – городскими стенами, его заполнили тысячи цианей. Огромные медузы, отливающие пурпуром, наполнили этот бочонок с человеческими телами так плотно, что уже никто не мог избежать участи встретиться с ними.

К утру с Мосадишем было покончено.

Когда я узнал, что в Мискатонийском университете занимаются так называемым Предвидением, то первым делом написал прошение о гранте. И разослал запросы на рекомендательные письма всем коллегам: Докеру из университета Аризоны, Райну из Дьюкского, Бетерли в Оксфорд... впрочем, вряд ли вам покажется интересным полный список.

Сейчас мало кто вспоминает имя Затворника из Провиденса. Слишком многое изменилось в мире с тех пор, и людям есть чему удивляться и чего страшиться в повседневной жизни. Но исследователи считают, что ему удалось предсказать Пришествие Мифов. Скромный и нелюдимый журналист описал их так, словно встречался с каждым лично. Возможно, так и было – он видел их, хотя бы даже во сне или в горячечном бреде, но видел.

В Мискатонике работы по изучению его наследия называют классификацией Предвидения. Разумеется, я не мог остаться в стороне. Если где-то есть тот, кому Мифы открыли будущее... И пусть он жил задолго до Пришествия, говорили, будто описанное совпадает с нашей реальностью вплоть до мельчайших деталей.

Например, Глубоководные. Их облик, их физиология, цели, религия и этика.

Они пришли вслед за гигантской волной, первыми из Мифов. Не везде их приход сопровождался катаклизмами и цунами, но везде – страшными потрясениями. Ибо Глубоководные пришли не в одиночку.

Великая филиппинская мечта Дмитрий Висков

Дэни вернулся домой воплощением филиппинской мечты – с тугим кожаным кошельком и в пилотских очках. Мечты этой прежде не было – она явилась вместе Дэни. Он привез брату Багусу часы, отцу пояс, а матери синее платье испанского покроя. Багус был на седьмом небе, но родители не смогли принять подарка, поскольку их уже год как не было в живых.

На острове Сиаргао многое изменилось за время отсутствия Дэни. Партизаны забирали рис, табак и лошадей, американцы поступали так же. Дети обирали принесенных морем утопленников, а те отравляли окрестности зловонием и трупным ядом. Но за день, после возвращения Дэни домой, все встало с ног на голову.

Над городом занесенной для удара саблей нависла Волна высотой в девятиэтажный дом. Ничто не предвещало ее появления: ни обнаженное дно, ни подземные толчки, – она просто поднялась и встала над городом, дотянувшись своей тенью до дома алькальда. Даже бывалых рыбаков бил озноб, когда ветер сдувал на город брызги с гребня. Американцы принялись спешно сворачиваться, а партизаны воспряли, словно надеялись выжить, когда Волна падет на остров. Нет, янки не сразу запаниковали: они и не такое видали. Видя, что стена из воды не двигается, несколько заядлых серферов с интендантом во главе подняли дирижабль, намереваясь высадиться на гребень и скатиться с него на досках. Но первого же сглотнула разверзшаяся пасть – в Волне было больше клыков и щупалец, чем воды. Тогда-то и стало ясно, по чью душу пришли.

Дом алькальда торчал посреди площади как последний зуб испанского рта, не способного более ни жевать, ни укусить. Американцы этот зуб просверлили и запломбировали. Теперь это была резиденция коменданта. Стальная фикса, мелькающая из-под губ, что нарекли островитян филиппинцами.

Дэни обыскали на входе. Что тут искать? Татуировки, шрамы и синяки не прощупать под рубашкой-саронгом и шортами. А их скопилось за два года в Новом Орлеане, где днем в спарринге Лу Броше выбивал из Дэни *la merde*, а ночью Дэни выбивал дерьмо из его фанатов, подрабатывая вышибалой в баре «Interlude». Потом был круизный корабль, на котором Дэни охранял пьяных туристов от них же самих и с которого сошел на родной остров. А теперь рыжий янки ищет базуку там, где никогда и ножа-то не водилось.

– Наверх и направо, – махнул солдат в сторону лестницы.

Комендант с непроизносимой польской фамилией был огромен. Взглянул на бумаги. Написал справку, всадил в нее печать, да так и оставил там, уставившись на Дэни:

– Боже, чем я занимаюсь! Парень, у тебя есть деньги?

Дэни всегда напрягался, когда речь шла о деньгах. Он тут же примерился, как бы драться с таким верзилой – двойку в печень, конечно. Бить в голову бесполезно – американцы слишком часто смотрятся в зеркало и потому защита головы у них на высоте. А когда согнется – коленом в прыжке. Рефери на ринге спросит: «Как тебя зовут?» – чтобы оценить готовность бойца продолжать.

А тот в ответ: «Бжибжибжигоски», – или того хуже: вперемешку с кровью и зубным крошечком. И рефери фиксирует нокаут. Поляки никогда не были чемпионами в боксе просто из-за произношения своих фамилий.

– Хочу сделать тебе предложение. Не руки и сердца, конечно. – Комендант поднялся из-за стола, продемонстрировав механическую ногу на шарнирах.

Дэни растерялся, увидев протез.

– У тебя вид был, будто сейчас вот в морду мне дашь. Как в «Белом Клыке» Джека Лондона, когда бойцовский пес увидел безногого соперника, а? Ну того Джека Лондона, автора первого романа, написанного на печатной машинке. Знаешь, я мог бы застрелить тебя прямо здесь, чтобы пошарить у тебя в карманах. Но я привык платить, а не стрелять. Я берег свои привычки больше собственных ног, сам видишь. Теперь уже все равно – мы умрем в любой момент. В этом ничего нового, только сейчас... Ты слышал о дамокловом мече? Тебя может переехать трамвай или убить упавший кирпич, но вот висит на ниточке клинок над головой, и ты не можешь о нем не думать. Поэтому все равно. И как человек, знающий все это, умудрился потерять ногу?

За триста долларов можешь стать владельцем вот этого участка. – Комендант ткнул пальцем в карту. – Все легально – мне отвечать, если что. Согласен? Тогда разбуди эту пьянь в углу – он нотариус.

Исполнить несуществующую филиппинскую мечту, пусть на один день!

Так за три сотни Дэни сделался владельцем половины полигона, участка побережья с двумя дотами и даже получил джип в придачу. Выйдя из дома Алькальда, он сел в новообретенный «виллис», через два квартала завернул к проституткам. Выбрал ту, у которой грудь побольше, на седьмом явно месяце, и предложил:

– Хочешь, сделаю тебя честной женщиной?

– Сколько заплатишь?

– Да пошла ты!

– погоди! Я согласна, вези в собор. – Волна явно внушала всем мысли о скоротечности жизни – Меня зовут Карин Анн.

Люди перестали бояться трупов, но стали бояться смерти. Страшно стать такими, как мертвецы, ведь теперь никто не умирал старым и никто не умирал легко.

Заехали за Багусом, отстояли церемонию в соборе Святой Анны. Потом «виллис» унес молодоженов за город. Мимо больницы, блокпоста, мимо Волны. Дэни уступил руль брату, сам уселся сзади, поглядывая на Карин Анн. Та горячими руками медленно водила по волосам, будто сплавляя их в причудливые локоны своим жаром. Ветер рушил ее труды, и она начинала заново. Поглаживая живот, она напевала:

Шаб-Ниггурат, мама!

Шаб-Ниггурат, мама!

Успокойся, не плачь, перестань, малышка,

Я тебя не оставлю, малышка!

Не плачь!

Мама отошла ненадолго,

Но мама вернется, не плачь!

Дэни помнил мелодию, только слова были другие. Шаб-Ниггурат, «Козлица с тысячей молодых», мать, пожирающая своих детей. Плачь, дитя, чтобы она не вернулась! Следует выбить из бабы эту дурь!

Дэни и Карин Анн поселились в одном из дотов, отдав другой Багусу вместе с джипом – парень всегда хотел стать таксистом.

Бетонное помещение оказалось двухэтажным. Внизу находилось ложе шоггот-оператора, а стены верхнего помещения были опалены следами трансформаций твари. Здесь все еще стояла характерная вонь. Электрический свет исправно включался, хотя, наверное, ненадолго. Все на один день, даже свет.

Восемь бойниц с видом на Волну – до нее отсюда тридцать метров.

– Идеальный склеп, – сказал Дэни.

- Повешу шторы. – Карин Анн кивнула своим мыслям и ушла осматривать подвал.
- Не зайду сюда, пока не проветрится.

Вечером Багус заехал к молодоженам и, едва открыв дверь, увидел искаженное лицо брата.

- У Карин отошли воды. Вот-вот родит. Нужно в город к доктору.

Багус похолодел. Единственная дорога в город шла мимо блокпоста, вокруг которого каждый метр пристрелян, а комендантский час уже начался. Ехать с фарами означало смерть, а без фар – тем более. Багус знал, что не посмеет отказать брату, поэтому молился всем богам, о которых только слышал. Теперь он завидовал Дэни, на один день ставшему доном, мужем, отцом.

- Будешь должен доллар за проезд. – Голос Багуса звучал обреченно.
- Держи двадцатку. Сдачи не надо.

Так исполнилась мечта Багуса стать таксистом, но это не сделало его счастливым – мечты должны исполняться вовремя.

Американцы явно ждали атаки партизан в эту ночь, свою последнюю ночь на острове.

И атака началась. Со стороны города доносились взрывы – партизаны сбили транспортный дирижабль. Красное!

Адам Дзиговский, теперь уже бывший комендант острова, смотрел на город из иллюминатора гондолы. Все, что спешно было распродано в течение дня, можно считать взорванным и сгоревшим. В этом пожаре сгорали его грехи. Личный состав и документация базы эвакуированы, осталось вернуться в Штаты и выйти на пенсию. Праздновать рано, но стаканчик не помешает.

Пулеметчики и канониры дирижабля расстреливали дым пожарища с такой скоростью, будто воздушное судно падало, а боеприпасы были балластом. Тут гондолу сильно потрянуло. Быть может, действительно падаем? Дзиговский сделал основательный глоток.

А что тут, за этой дверью? Это же лейтенант М. Келли, вечно спящая шоггот-оператор! Дзиговский присел на край ее металлического ложа.

- Просыпайся, Келли, поговорим!

Лейтенант не шелохнулась. Ее грудь по-прежнему мерно поднималась и опускалась.

– Ну, как знаешь, Келли. В доте спала, здесь спишь. Только жизнь то проходит! Есть такая теория – «Теория полезности». Согласно ей каждый следующий употребляемый продукт утоляет некую потребность все в меньшей степени, чем предыдущий. Голодному первая ложка каши покажется манной небесной, вторая – деликатесом, а третья просто еще одной ложкой каши. Исключением является алкоголь. Ты знала?

Ровное дыхание было ответом.

– А теперь мне хочется взглянуть на твои сиськи. И вот тут эта теория опять дает слабину. Расстегнул первую пуговицу – ничего. Вторую, третью – опять ничего. А вот теперь последнюю – и вот они, возделенные округлости. Желание удовлетворено лишь с последней пуговицей. Теперь пришел черед других желаний, Келли. Просыпайся, а то все пропустишь!

Когда Дзиговский содрал с Келли бриджи и уже взгромоздился поверх, она проснулась, слабо ткнула его в лицо.

– Давай, детка, давай! – возбужденно кричал насильник, скрипя механическим протезом.

Шоггот, повинувшись немоу призыву своего поводыря, рванул сверху на помощь. Рванул сквозь жесткий каркас оболочки, разорвав баллоны с газом и крышу гондолы. Все исчезло в световой вспышке.

Потом все стало оранжевым – партизан залили напалмом. Снова вспышка и снова. Партизаны кончились раньше напалма.

На остров упала тишина.

– Я здесь, чтобы помочь женщине. – В поле стоял человек. Ближе, ближе, он уже совсем рядом.

– Это трехглазый. – Багус трясся, как земля перед цунами. И вдруг успокоился: он поможет, не нужно ехать под пулеметы ради женщины, которой брат и не касался даже. Не нужно умирать.

У трехглазого были седые ресницы – было страшно представить, что же видел он своими тремя глазами.

– Я помогу.

– Это трехглазый, – повторил Багус, – он с партизанами.

Старик, отстранив Дэни, принялся и спустился вниз, где на стальном ложе оператора лежала Карин Анн. Дэни напутствовал его словами: «Если что не то – яйца оторву!»

«Бу-у-у!» – вторили ему мертвые собаки в утробах убитых партизан.

Дэни ринулся вниз, где трехглазый трудился над шеей его жены с костяным ножом. Отпиливал голову, обвитую пуповинами контакта с шогготом. Голову его жены, лежащей в ложе оператора. Голову его беременной жены. Кровь хлестала в потолок и била в гонг в мозгу Дэни.

– Так надо, – сказал трехглазый, подняв взгляд на вошедшего, – она уже не...

«Бокс!» – скомандовал незримый рефери.

Дэни рванул вперед. Джеф и свинг. Мимо!

Квадраты, плавленная киноплёнка, трехглазый ускользал от ударов в двадцать пятый кадр, в никуда, к чертям. Кулаки Дэни били в бетонную стену, превращаясь в кровавые обмылки. Снова мимо!

Шоггот из погибшего транспортного дирижабля вернулся в привычный дом, где нашел поводыря с перерезанным горлом. Но был еще поводырь – маленькое существо, которое хотело есть и кричало от страха. Нерожденная дочь Карин Анн.

– А-а-а! – кричала она, когда предсмертная судорога матери вытолкнула ее на пол.

– Текели-ли! – голосил шоггот. Звук их дуэта разрывал перепонки, внутренности, лопались глазные яблоки окруживших дот партизан. Багус свалился с капота «виллиса» – он шарил пальцами по своему лицу, силясь нащупать глаза.

Даже Волна осадилa назад, плеснув ошметками рваной плоти.

Новорожденной девочке было больно и страшно, шоггот кричал и бился. Багус в припадке боли катался по земле – кровь текла из ушей, – но Дэни вскочил на ноги на счет «девять»:

– Меня зовут Даниель Мокасеро!

Трехглазый свалил его легкой пощечиной.

– Каждый человек уже задолго до смерти начинает населять собою небытие: туда отправляются остриженные волосы и ногти, выпавшие зубы, утраченные конечности, забытые мысли – все, что перестало в человеке быть живым. Если верно, что организм человека обновляется каждые семь лет, то, соединившись наконец в небытии с отправленным туда авангардом, человек будет иметь два ряда зубов, несколько тел и огромной длины волосы и ногти. И абсолютную память. Делая аборт, женщины рожают себе детей туда. Вы встретитесь, но не узнаете друг друга.

Дэни снова поднялся. Его качало, и земля проваливалась под ногами. В этот раз он назвал свое имя так, словно был полным тезкой американского коменданта.

– Дирижабль сбит, оператор погиб, шоггот вернулся. Женщина умерла, осталась девочка.

Трехглазый склонился над младенцем, отведя руку с ножом для удара, когда девочке захотелось кушать. Бесформенный сгусток метнулся сверху – ноги старика склонились в

коленях и развалились в стороны. Все, что выше коленей, пропало в пасти спешившей утолить голод новорожденной.

Это не могло происходить наяву, наверняка это был нокаут.

В нос ударила вонь, глаза слезились, и Дэни выполз на воздух.

– Багус, где ты?

– Я в аду!

Дэни добрался до скорчившегося у колес «виллиса» брата. Поднять его и перенести на заднее сиденье оказалось почти неподъемной задачей – Дэни сам едва стоял на ногах. Но он смог. Сел за руль.

Тут из двери дота выскочила голая женщина с младенцем на руках.

– Карин! – окликнул ее Дэни.

Но она не обернулась – только припустила бегом по направлению к городу.

Дэни завел мотор и рванул следом, бешено давя на газ, но догнать не смог. Карин Анн все удалялась, словно джип дал задний ход.

Слишком быстро все уходило из рук – жена, ребенок... Дэни обернулся к брату и добавил его в список потерь. Но рука Багуса пошевелилась, вычеркнув из списка своего владельца.

– Слава богу, ты жив, братишка!

Оставалось вернуться на все еще принадлежавшую ему землю, вскопать ее и посеять в нее мертвецов в надежде, что взойдет табак, или пшеница, или хоть что-то, кроме того, что посеял.

Дэни снова подкатил к доту. Слез с сиденья, вынул лопатку, притороченную к борту.

– Ничего не вижу, – пожаловался Багус. Лицо его покрывала маска запекшейся крови.

– Поспи. А я буду копать колодец. Нам же нужен колодец, правда?

– Тогда я тоже буду копать. Дай мне мотыгу или кирку.

Дэни вложил кирку в протянутые руки и отвел брата в сторону.

– Вот здесь.

Инструмент равномерно взлетал вверх и вниз. Дэни выгребал взрыхленную братом землю, стаскивал в кучу тела партизан, пока не собрал всех. Почти всех.

Он долго стоял перед дверью дота, будто ожидая гонга. Наконец, глубоко вдохнув, вошел.

На стальном ложе оператора лежала Карин Анн, широко улыбаясь горлом. Два зигзага на полу – ноги трехглазого. И еще нож.

Кто же тогда бежал по дороге с новорожденной на руках?

«Человек будет иметь два ряда зубов, несколько тел и огромной длины волосы и ногти», – всплыли в памяти слова трехглазого. Мы уже в небытии. Прав был Багус, сказав: «Я в аду!» Все были правы.

Тогда нет смысла хоронить, все уже погребены по ту или эту сторону земной поверхности. Осталось только найти еще одного или двух Дэни, чтобы воссоединиться с ними и обрести ту абсолютную память, обещанную трехглазым.

Дэни, подобрав нож, вышел наружу.

– Тут что-то мягкое. Дэни, посмотри.

Багус стоял по колено в вырытой яме, тыча киркой в кровавое месиво, бывшее недавно головой человека. На дне ямы зиял открытый люк. Оттуда этот человек и вылез, чтобы попасть под удар кирки. Штаны Багуса сплошь были покрыты кровью и кусками мозга.

– Это глина, братишка, просто глина. Может, отдохнешь? На, попей.

– Я не устал. – Багус снова и снова бил труп своим орудием.

Наконец убитого втянули внутрь люка, кирка высекла искру из опустившейся крышки.

– Что это было? Здесь какой-то металл, Дэни!

– Хватит! Поехали в город, заглянем в бар, развеемся.

– А как же Карен Анн? – вспомнил вдруг Багус упираясь.

– Она в порядке. Мы же отвезли ее в госпиталь, помнишь?

Багус не помнил, однако позволил вытащить себя из ямы и усадить в «виллис». Дэни дал газ. И вовремя – земля вокруг дота вспучилась огромными кротовинами. На поверхность полезли землепроходные снаряды, а из них передовой отряд новых хозяев острова.

– Братишка, все хотел рассказать тебе историю. Я говорил, что работал вышибалой в Новом Орлеане? В том году Рейнолдс откусил ухо Дишу прямо на ринге. А тут к нам в бар появился парень аккурат без куса левого уха. Это был не Диш, ясное дело. Диш черный, а этот белый. Мне бармен и говорит, что он, видать, донором для Диша выступил и с барышей пришел кутить.

Тот заметил, что мы смотрим, подошел.

Удивился, что начало седьмого, и тут же сообщил, что ежедневно пьет и ему видится умершая от менингита жена. Я посочувствовал: менингит – страшная штука, и не дай бог...

«А я недавно шел по французскому кварталу, и меня мертвые окружили, так что не пройти. Я в панике, тут жену замечаю, ей говорю: «Помоги! Ты же как и они». И она их действительно раздвинула, показала дорогу».

Я ухмыльнулся, а он настаивал: «Нет, они настоящие были – это не во сне, радиотелефон пытались отнять».

«Так это уличные бандиты были, наверное. Зачем мертвецам телефон?» – это я спрашиваю.

«Нет, настоящие мертвецы. А телефон жена потом у меня украла. Я смотрю – нет телефона. Перезвонил туда, а она в гробу лежит и молчит».

«Так правда телефон исчез?»

«Правда. У меня другой есть, с него перезванивал, а она молчит у себя в гробу. Приятно с тобой пообщаться. Как тебя зовут? Дэни?»

Ну и так далее. Мы тогда со многими залетными плохие шутки шутили. Покажешь человеку на громилу в углу и шепнешь, что этот гангстер плохо на него смотрит и лучше выйти с черного хода. А там уже пара отморожков ожидает. Потом со мной делились. Но этого я отпустил.

Багус поехал.

– Брат, отпусти и меня тоже.

– Что?

– Отпусти! Я не хочу с черного хода.

Дэни остановил машину.

– О чем ты говоришь, братишка? Я не понимаю.

– Я ослеп, а ты потакаешь моей слепоте, потому что врешь.

И Дэни рассказал Багусу о бое с трехглазым, о двух телах Карин Анн, о том, как быстро она бежала с младенцем на руках. Умолчал лишь об убитом киркой пилоте землепроходного снаряда.

– Это был шоггот. Они могут принимать любую форму. Могут быть гаубицей, как в твоём доте, а если нужно – чем-то еще. Ребенку нужна была мать, поэтому шоггот принял форму Карин Анн.

– Откуда ты это знаешь?

– У меня режется «третий глаз». Я еще не вижу истины, но уже различаю ее очертания. Ты слишком долго отсутствовал, Дэни. Все поменялось. Езжай куда собирался, я помогу.

Разбитые руки снова легли на руль.

Когда еще детьми они ссорились, Багус говорил: «Вот вырасту и стану старшим братом – задам тебе!». И Дэни почувствовал, как сегодня брат его перерос. От него исходила сила и уверенность.

– Ты хочешь найти малышку?

– Да, – ответил Дэни, благодарный за подсказку. Он не знал, что делать. Но Багус знал:

– На развилке сверни направо. Шоггот там.

Дэни послушно повернул руль, въезжая в выгоревшие трущобы. Обгорелые трупы лежали повсюду, хрустели под колесами. Их кожа будет тонка и ранима в небытии. Их кости будут гибкими, когда «виллис» промчится сквозь них.

– Стоп! Тормози. Видишь его? Ее.

Дэни увидел. В пекле горящего дома сидела раздавленная в размерах Карин Анн, снова с огромным животом. По телу ее бегали блики света и всполохи огня. И пылающие руины были для нее как трон.

– Протоплазма! – восторженно произнес Багус, направляясь к ней.

– Что? – Дэни схватил его за рукав. Братец-то свихнулся!

– Пока не знаю, что она есть. Смотрю «третьим глазом». Отпусти!

Дэни послушался. Багус, увлеченный открытием, потащил брата вперед как плащ. Тот покорно трепетал на ветру.

– Смотри! Это как микроскоп – с каждым шагом все лучше видно. Это моноклетка, что бы это слово ни значило. Я скоро узнаю, что это значит. Посмотри!

Кожа Карин Анн вскипела отростками, впившимися в кожу Багуса. Он неряшливо стряхнул их, продолжая движение. Руку брата Багус отпустил:

– Смотри, как сжимается. Шоггот кормил ребенка через пуповину, и они теперь единое целое. Он перестал быть моноклеткой, но и малышка перестала быть человеком. Мне страшно представить, что она теперь такое! Ее нужно убить.

Накативший на брата припадок Дэни мог остановить только ударом в челюсть. Раз – и готово! Осталось уложить его в джип и пристегнуть ремнями. Два ведра воды из ближайшего колодца погасили умирающее пламя вокруг Карин Анн. Ее Дэни тоже поднять не смог – весила она, казалось, тонну, – но женщина сама поднялась и дала уложить себя рядом с Багусом. Смерд от нее заглушал даже запах гари, но Дэни было наплевать.

Он вернул жену и дочь, а значит, вернет и землю, и круглый бетонный дом с бойницами и железной дверцей. Волна откатывалась обратно в океан, открывая перепаханное дно с остовом японской субмарины. Дэни завел мотор и запел:

Успокойся, не плачь, перестань, малышка!

Я тебя не оставлю, малышка!

Не плачь,

Мама отошла ненадолго,

Но мама вернется, не плачь!

Малышка в животе Карин Анн блаженно погрузилась в сон, и шоггот отвалился от разорванного горла Багуса, впал в сытое забытие.

* * *

Я специально отправлял запросы в Манилу, официальные – на уровне правительства и комитета по связям, неофициальные – в посольства и представительства разных стран. Не могу сказать, что ответы совпадали. Но многое из того, что рассказывали очевидцы, напо-

минало изложенное в письме. Не знаю, в самом ли деле это и есть Великая мечта, но она сбылась.

Написанное на скверном английском письмо филиппинца я разбирал не меньше недели, зато следующее порадовало меня четким, уверенным почерком и русским языком. Порадовало и озадачило, потому что писал явно иностранец. Неверное употребление слов и идиом, слишком правильное построение фраз – чужака всегда можно разглядеть, как хорошо бы он ни знал реалии принявшей его страны.

Но он старался. Возможно, чтобы произвести впечатление. А возможно – боялся, что подробности и эмоции могут быть утрачены при переводе.

Как и все другие, рассказчик не обращался ко мне по имени. «Дорогой сэр», – писал он в самом начале. И все же я уверен, что он писал мне. Как я говорил, в Мискатонике больше нет русских профессоров.

Наше время и стекло

Дмитрий Градинар

Ветер терзал низкие тучи над Гримальдским заливом, перемешивая их с рвущимися к небу волнами. Темный воздух заполнялся влагой и солью. А еще страхом. Так бывало всегда в сезон штормов в этой далекой стране. Но теперь всего стало больше – и соли, и влаги, и страха.

Страх заползал в дома, просачивался сквозь запертые накрепко ставни и двери, сквозь заглушки дымоходов, страх шептался и гулко печатал шаг по пустым улицам и в кирпичных парадных подъездах, но не гнушался и черных ходов. Причем делал это так бесцеремонно, словно он один теперь был хозяином города. А всем и каждому из жителей становилось понятно, что в Марблтан пришла большая беда. Беда, в которой никто не мог помочь.

Единственная дорога, что связывала город с остальным миром, шла по карнизу широкой скалы, защищающей залив от непогоды в обычное время. Но только не в сезон штормов. В этот раз все случилось еще хуже – бессильными оказались и камни и молитвы. Карниз обрушился в море, и ни о каком восстановлении дороги мечтать пока не приходилось. Был еще один путь, Верхняя дорога. Когда-то в незапамятные времена поселенцы проникли по тропе через горные вершины и основали у залива город – Марблтаун. Чуть позже, через несколько веков, когда вдобавок к колесу, законам механики, электричеству и канализации были изобретены дорожные указатели, какой-то талантливый, но не сильно грамотный художник красивой вязью написал на одну букву меньше, и город из «Марблтауна» превратился в «Марблтан». Картографы поспели как раз вовремя и внесли это название в реестр Маркграфа.

Там, где проходила Верхняя дорога, которой время от времени все же пользовались, сейчас клекотала и пенилась в яростном безумии речушка Снуки, превратившаяся в широкий, рушащийся с гор мутный поток. И все, что оставалось горожанам, это опустить ставни, разжечь печи и камины, повесить к потолку лампы, потому что ветром оборваны все провода, и закутаться в теплые шали, будто наступила зима, и ждать, когда сезон штормов уйдет в какие-нибудь другие места. И заберет с собой страх.

Ветер. Шторм. Грохот волн. Разрушенная скальная стенка. Одиночество целого города. Ночь, в которой приходят страшные сны и тревожные сердцебиения.

Все бы ничего, если бы не страх, которому ставни не помеха. Уж он-то умел быть вкрадчивым и терпеливым, заботливо обнимая город, готовясь... К чему?

В газете недельной давности наборщик сделал ошибку. Похоже, проклятие неверных букв будет витать над городом вечно. Вернее, до последних его дней.

Наборщик сделал ошибку, но тем самым невольно вывел пророчество. Во фразе «... со штормами наш город обручен...» перепутал, вписал вместо «у» букву «е». Мелочь, предвестница беды.

Спите, спите, жители. Так пел дождь. Но где-то за его завесой смеялся Бог Непогоды и Страх. Ведь река Снуки сошла с ума. Море сошло с ума. Ветер. Шторм. Все.

Но это пока не было концом. Только предчувствием. И кое-кто все равно продолжал двигаться, что-то делать, быть кровью города. Ведь когда люди уходят из городов, города умирают.

Люди – кровь города.

Вспышка молнии осветила шпили городской ратуши. Окна ее были темны, но в некоторых все же горел свет...

Все началось восемь дней назад, когда старая Эйра, возвращавшаяся глубоко за полночь со стороны морских складов, увидела трещину на стене своего дома. Она была большой скандалисткой, эта торговка рыбой, и собиралась с раннего утра рассказать о трещине всему кварталу. Но не успела. Потому что в следующую секунду трещина разошлась – не так, как будто расползлась стена, а словно в теле здания образовалось какое-то странное узкое жерло, из которого наружу под огромным давлением выплеснулось ИНОЕ.

Утром Джекил Уиклер, отставной шкипер флотилии Летающих Лодок, ныне обыватель пивных заведений, шел со своим рундучком, доставшимся в наследство от морского прошлого, к рынку, туда, где у него имелось местечко для встреч с другими отставными моряками, которым ни шторм, ни дождь не помеха для партии в роббер. Это все же лучше, чем сидеть в одинокой комнате и слушать, как воет ветер и шаркает по крышам косыми ливневыми струями. Проходя привычным маршрутом пересечение Фани-роуд и Фри-Дерби, он завернул за угол у бакалейной лавки, совершенно не опасаясь, что в такую рань кто-нибудь встретится на пути, и неожиданно налетел на что-то совершенно непонятное. То, чего никогда не существовало прежде в этом месте. Учítывая, что шкипер ходил одной и той же дорогой последние шесть лет и узнавал подошвами каждый камень мостовой, изумление его было сродни разве что тому, как если бы увидеть человека, идущего по воде как посуху. Он разбил нос и рассек кожу на лбу.

Прямо за углом, во всю ширину мощеной Фри-Дерби, пузырился какой-то огромный нарост, который можно было бы принять за причудливую, гротескную лепнину, весьма неумело копирующую очертания домов, находящихся рядом.

Шкипер, ничего подобного никогда не выдавший, с изумлением разглядывал все эти странные наплывы скомканных крыш и подъездов, кирпичный пунктир и оконные рамы, лишь отдаленно обладающие четкими геометрическими формами. Дождь сеял сквозь свинцовое сито темные пятна, но они, как оказалось, совершенно не оставляли следов на теле странного исполина. Вода, коснувшись поверхности, через мгновение исчезала, словно пришелец из ниоткуда пробовал ее на вкус, каждую каплю, и каждую каплю отвергал.

Когда Уиклер окончательно отошел от шока, зажав разбитый нос пальцами, и решился потрогать эту громадину, то обнаружил, что она холодна на ощупь и напоминает стеклянную массу, будто безликий великан стеклодув создал ее на радость какому-то сумеречному миру, но обронил и оставил лежать здесь, в Марблтане.

Потоптавшись на месте, совершенно не зная, как реагировать на происходящее, Уиклер направился к городской ратуше, чтобы сообщить о странном пришествии, за которым, как чуяло сердце моряка, последует немало других бед. Ему пришлось обойти Фри-Дерби и убедиться, что это нечто огромно в высоту и в ширину и перекрывает улицу от тротуара до тротуара так, что даже крыса не смогла бы пробраться. Оно достигало балконов третьего этажа и тянулось вдаль до дома Искусных Манер, этакой небольшой картинной галереи Марблтана, в которой выставлялись всякие заезжие мастера кисти. Вот тут-то его внимание привлек предмет, явно не относящийся к стеклянному наросту. Башмак старухи Эйры, деревянный, такие никто теперь не носит, со следами обугливания от пожара, имевшего место в Марблтане лет тридцать назад. Из башмака тянулась нога в синем шерстяном чулке, придавленная тушей загадочного нечто. Лужа возле торчащей конечности несчастной старухи была чуть темнее, чем обычная лужа. Даже дождь не мог окончательно смыть эту темноту, хотя и старался вовсю. Не хватало единственного солнечного лучика, чтобы понять очевидное – темнота на самом деле была бордовой. Уиклер, повидавший на своем веку всякого, все же почувствовал себя нехорошо, судорожно сглотнул липкую слюну и ускорил шаг. Ему казалось, что стеклянная масса испускает какой-то тягучий переливчатый гул, почти колокольный, если бы колокола лить из стекла. Возможно, это непогода поглощала вибрации звука и не позволяла им распространяться далеко. Возможно, звук и вовсе шел

изнутри сознания шкипера, напуганного зрелищем. Он даже не замечал, что вымок до нитки, после того как снял шляпу. Вода побежала за шиворот и в карманы, она умеет находить себе дорожки. Потому что вода проворней городских крыс.

Потом настало новое утро и стало понятно, что вчерашний день был лишь началом ужаса и старая Эйра – далеко не последняя, кому придется переехать на городское кладбище в качестве вечного гостя.

Когда пытались извлечь тело, пришлось разбить кусок стеклянной туши, накрывшей Эйру. Причем это получилось не с первого раза. Кузнец, который орудовал внушительным молотом, сказал, что испытал ощущение, будто ломает кирпичную стену, хотя звон битого стекла и осколки, брызнувшие во все стороны, казались вполне натуральными, ничего общего с кирпичом не имевшими. А вот плохой новостью стал тот факт, что буквально на глазах место с отбитым куском затянулось наново и все стало как прежде. Разве что Эйру смогли вытянуть и убедиться, что именно так мог бы выглядеть человек, которого придавило трехэтажным домом. Убедиться и содрогнуться от жуткого зрелища.

Второй ночью две трещины перечеркнули стену на городской бане и каменный пояс дизельной мельницы. Из одной выползло нечто, размерами и очертаниями схожее со зданием бани, из второй – новая мельница, такая же, как настоящая, только стеклянная. В момент появления Наростов, как окрестили их в городе, не погиб никто, но вот днем в этом же квартале случилось сразу три загадочных происшествий. Братья-близнецы Букер, взявшись за руки, шагнули с крыши своего дома, который задней стеной выходил на обрывистую часть города. Высота была достаточная, чтобы не оставить беднякам никаких шансов. Вторым происшествием явилось столкновение экипажа с афишной тумбой. Свидетели утверждали, что автомобиль разогнался до предельной скорости, а в самый последний момент свернул к столбу. Погибли управляющий типографией и его помощник.

Третье происшествие несколько выбивалось из единой цепочки, поскольку им стало возгорание библиотеки. Огонь рвался изнутри, из всех помещений сразу, но сверху его успешно заливал дождь. В этот раз стихия воды победила. Именно с этого момента в дело вступил старший инспектор Мирабо, который вместе с городским брандмейстером целый день провел на пепелище, спускаясь в библиотечные подвалы, пытаясь понять, что же могло послужить причиной пожара. В этом хранилище знаний в нынешнюю погоду никого не было и быть не могло – по устоявшемуся обычаю в сезон штормов всякая общественная жизнь в Марблтане замирала, – однако посланные за хранителем библиотеки констебли также никого не нашли. Вот это уже было странным.

Инспектор слыл мастером розыска, хотя для маленького городка не бог весть какое умение – найти воришку, выяснить, кто из приезжих расплатился поддельными векселями, кто снял банк в игре, используя шулерские приемы, и все такие подобные мелочи. Разве что в начале лета, когда приезжих становилось больше, чем жителей Марблтана, таланты инспектора находили себе применение. Но сейчас никаких приезжих не осталось за исключением какого-то чудаковатого художника с юга, задержавшегося, чтобы запечатлеть на холсте буйство стихии в сезон штормов. Первая же вылазка на пленэр закончилась для него печально – ветер сломал мольберт, разъяренная волна, которая, видимо, не желала, чтобы кто-то ее запечатлевал, дотянулась до смотровой площадки и едва не утянула беднягу в залив. Он отделался испугом, утратой своих кистей и красок, а также легкой простудой, каковая имела больше психические свойства, о чем поведал врач, осматривавший пострадавшего. Больше ни о каких творческих походах к заливу художник не помышлял, сидел тихо в гостинице, пользуясь гостеприимством и щедростью городского правления, приславшего в качестве компенсации и извинений за невежливость местной погоды пару ящиков замечательного высокогорного вина Анри-Мальотте-Бланк урожая восьмилетней давности. В общем, Марблтан был достойным местечком, что и говорить.

Был.

– Мирабо! Наконец-то! – В голосе бургомистра звучал целый оркестр. Тут и облегчение, и радость, и немой вопрос – Ну? Как там?

Еще усталость и тревога, загнанные глубоко-глубоко, и тот же страх, что владел городом и терзал его кровь последние несколько дней.

– Никак не могли разобраться с дорогами. – Голос старшего инспектора, напротив, был цельным как орех. В нем сквозила одна-единственная усталость. Весь свой страх инспектор растерял за двое суток метаний по окрестностям Марблтана.

Радиоприемник, приютившийся на краю необъятной дубовой столешницы, яростно шипел и плевался, как взятый в плен отважный герой, не желающий выдавать самый главный секрет, пока его пытаются всякими способами. То расширяющийся, то сужающийся зеленый зрачок индикатора на внешней панели обдавал кабинет мягкими изумрудными отблесками. Было видно, что собравшиеся в кабинете у Шефа, как называли бургомистра, уже долгое время пытаются уловить в хаосе звуков хоть какую-то информацию. Но среди всей этой свистопляски помех самой разумной фразой, выданной приемником, была такая:

– Фи-ууу-йукс!

Она прозвучала и неожиданно, и громко, и визгливо, заставив всех вздрогнуть. Всех, кроме старшего инспектора. Насквозь промокший, заляпанный рыжей грязью до колен, что явно указывало на то, что дороги и впрямь к нему сегодня не благоволили, Мирабо мечтал о чашке чая. Или кофе. Или коньяка. Или всего сразу, в одной чашке. Но вначале доклад, ради которого он, собственно, и добрался до ратуши.

– Рассказывайте, Мирабо! – поторопил его Шеф.

– Да-да, говориль нам скорей! – поддакнул обычно сдержанный фон Штейблиц.

Когда он волновался, то наружу сразу же выползал ужасный акцент, выдававший в агенте тайного сыска выходца из северо-западной провинции. Вначале это вызывало у многих насмешку, но после того как Штейблиц трижды вызывал обидчиков на дуэль и трижды выходил победителем, шутки прекратились. Высокий, худощавый, прямой как палка, сейчас он походил на новенькую хрустящую купюру в сотню крон, которая привлекает многих женщин своим хрустом: парадная тройка, шейный платок с заколкой, увенчанной парой камней – рубином и изумрудом. В прокуренном насквозь помещении, кроме бургомистра и сыскаго агента, находились три констебля, брандмейстер и еще пара человек, имеющих отношение к поддержанию порядка.

– А что говорить? Похоже, для Марблтана наступают последние деньки. Вернее, последние ночи.

– Все так плохо? – подал голос Лауфер, человек абсолютно новый, прибывший в город незадолго до сезона штормов исполнять обязанности коронера, однако успевший подружиться с инспектором полиции.

Именно для коронера работы оказалось чертовски много. Вскрытия. Посмертные экспертизы. Аутопсия. Работа, которая не каждому по плечу и по нервам. Не многие без волнения наблюдали до конца, как Лауфер колдует над растерзанной плотью старухи Эйры. Но он справлялся.

– Даже хуже, чем я ожидал. Мы выехали по вызову с Западной окраины. Там все более-менее ясно – некая пани вцепилась в волосы своей лучшей подруге, и они вдвоем вывалились из окна. Полет с четвертого этажа редко оканчивается удачно. Причины ссоры неизвестны. Каким образом они оказались на подоконнике – загадка. Пока мы разбирались с этим случаем, на соседней улице произошло более нелепое происшествие. Известный всему городу торговец антиквариатом на глазах у соседей, слышавших перед этим крики, выбе-

жал на улицу и прыгнул в обводной лодочный канал, откуда его потащило в залив. Бедняга наверняка утонул.

– Извиняль меня, я перебивайт! – снова вмешался Штейблиц. – Тот биль герр Мозер?

– Именно он, а что вас так тревожило?

– Нет, ничего не тревожил...

– Вы знали его? Поймите, я спрашиваю не из праздного любопытства, и мне даже плевать, если окажется, что антиквар был вашим тайным осведомителем, это сейчас совершенно неважно, просто вы могли бы сказать: такой поступок, как прыгнуть в бушующий канал, – он мог бы его совершить? Что могло бы его заставить сделать такое?

– Сделать такой – найн! Никогда! Я зналь... Герр Мозер подарил мне этот брошка, – инспектор коснулся заколки на платке, – и я покупал еще немножко вещь, но... Но сделать такой – никогда! Герр Мозер биль... Он биль мой земляк. Мой земляк никогда не прыгнуть в воду, он всегда драться! – Штейблиц оглядел присутствующих с вызовом, будто кто-то собирался оспаривать его заявление.

– Ясно. Мне кажется, тут дело не в слабости. Есть то, что сильнее нас. И это идет из появившихся Наростов. Они – корень зла. А что говорит городской архитектор?

– Ничего. Он пьян. Я собираюсь его уволить, – ответил Шеф.

За стенами ратуши выл ветер, где-то вдали слышались пушечные раскаты прибоя. Ливень безжалостно хлестал тюльпановое дерево под окном, трепал его листья, сбивая сочные цветы. Все замолчали. Только радио продолжало беситься, издавая шорохи и всякие загробные звуки, перемежаемые то воем, то свистом.

– Ну, это всегда успеется. Сейчас его знания могут пригодиться, – вступился за архитектора Мирабо.

Как и все, он понимал, что между появлением Наростов, гротескно, до кривляния копирующих здания, рядом с которыми они возникали, и странными смертями обитателей Марблтана существует самая тесная связь. Но в чем она выражалась, что заставляло людей сводить счеты с жизнью – вот этого никто понять не мог. А счет жертв шел уже на десятки.

– Лучше рассказывайте дальше, – скрывая раздражение тем, что ему перечат, буркнул Шеф.

– Рассказываю, – покорно вздохнул инспектор, зная упрямство бургомистра. – На телефонной станции разбежались все барышни, город остался без связи. Но не только без нее. Проезжая через Швейный квартал Гильдии Мастеров, мы убедились, что квартала как такового больше не существует. Он исчез.

– Как это – исчез?

– Вот так. Весь. Полностью. Теперь там какие-то дома без окон. Подозрительные люди, которые не известны ни мне, ни констеблям. Они не пожелали подойти к автомобилю и ответить на вопросы, так что... Но по всему, это тоже были мастеровые, правда, в совершенно разноцветных халатах – белых, синих... Черт их разберет, кто они такие.

– Вот это новость! – присвистнул Лауфер. – Новые здания. Теперь новые люди. Вы уверены в том, что говорите сейчас, Мирабо?

– Ф темно все кошочки в серий цвет, – поддакнул Штейблиц.

– Кошки, может, и серые... Я сам рад бы ошибиться, но...

Фон Штейблиц вскочил. Прошелся вдоль стола. Прищелкнул пару раз пальцами. Потом запустил их в ухоженную шевелюру, растрепав прическу.

– Нужно немедленно туда ехать! – Фон Штейблиц заговорил совершенно безо всякого акцента. Это был верный признак крайнего сосредоточения и проявление инстинкта гончей, почуявшей добычу.

– Да-а-а! – раскатисто пропела птица Да, сидящая в клетке по левую руку от шефа.

– Не-е-е-ет! – одновременно с ней резко возразила птица Нет, находящаяся в клетке справа.

– Тихо! – прикрикнул на своих птиц шеф, стукнув ладонью по столу, отчего несколько бумаг слетело на пол и опрокинулась чернильница, по счастью, с завинченной крышкой.

Когда птица Да и птица Нет кричали одновременно, это был совершенно редкий и совершенно плохой знак, больше обозначающий «нет», чем «да», Но забияку Штейблица уже ничего не могло остановить. Он совершенно не верил в приметы. Вернее, верил лишь тогда, когда они сулили что-то хорошее. Всякий негатив офицер тайной службы отвергал с ходу. Таков был принцип его жизни.

Снаружи ветер расколошматил один из фонарей у входа в ратушу. Шофер полицейского авто подал сигнал, бедняге было страшно. Ночь развевалась, словно черный плащ факира, скрывающего в каждой складке сотню смертельных кобр. Ночь пела и играла на тысяче флейт, от самых тонких и пронзительных до огромных, повторяющих голоса древних чудовищ. Море откликалось пенным шипением и молотом волн, ломающих сейчас причалы.

Краса и гордость Марблтанана – флотилия летающих лодок – была заперта в небольшой гавани массивной тушей баржи, принимающей бортом все удары стихии. За баржей тянулись волнорезы. Огромные аэростаты были спущены и накрывали корпуса лодок большими серебряными шапками. Раздуть огненные форсунки и запустить моторы в такую непогоду было решительно никак невозможно. Да и если бы такое случилось – что дальше? Перемахнуть через скалу, выгибающуюся в сторону моря, чтобы оказаться по ту ее сторону? Там, где волны вырастали сейчас одна выше и свирепее другой и напоминали шагающие вразнобой горы... Бессмыслица, не несущая никакого спасения. Можно было только отсчитывать дни, надеясь, что кошмар окончится раньше, чем город окончательно падет. Или из него вытечет вся кровь. Ведь счет на десятки вот-вот должен был смениться счетом на сотни. А там, глядишь...

– Решено, я еду! Вы как, Мирабо?

– Обязательно присоединюсь к вам чуть позже, как только сменю одежду. Если вы не заметили, я несколько, э-э-э, поистрепался за два дня метаний среди всякого безумия, поразившего город. Мне нужны свежие носки, новые брюки и чашка кофе, черти вас подери! Никто не додумался угостить меня даже простой водой...

– Хорошо. Ловлю на слове. – Полностью игнорируя жалобу инспектора на невнимание со стороны коллег, агент тайного сыска порывисто вскочил, цепляя к поясу дуэльный клинок. – Я отправляюсь прямо сейчас.

– В добрый час! Возьмите констеблей, на местах вы сейчас вряд ли кого-то найдете.

Испуганные лица младших служителей порядка явно свидетельствовали, что им вовсе не хочется ехать в непроглядную темноту среди всей этой завирухи, где город может измениться в любую секунду по непонятной прихоти непонятных сил. Но только спорить с фон Штейблицем всегда сложно. Особенно, когда у него исчезает акцент. Это знали все.

– Жду внизу через пять минут. Возьмите фонари и оружие, – распорядился Штейблиц, – я пригоню свою машину.

Окончание фразы исключало любые споры. Все знали, как бережет свое авто чиновник и как редко использует его для служебных целей. Все состоящие на службе при мэрии «рейнвагены» и «саар-твины», в подметки не годились «сириусу» S-класса фон Штейблица.

Мощный и прожорливый движок, ревущий как океанский лесовоз, звук сигнала, буквально все сметающий на пути движения, полуметровые линзы на фарах, пробивающих темноту что твой морской прожектор, и огромные колеса, предназначенные для продвижения по самым непролазным окраинам, – все это использовалось крайне редко. Но сейчас дело было совершенно запутанным и особенным. Исчезновение целого квартала Гильдии Мастеров, появление на его месте новых зданий – это еще вписывалось в ту картину безу-

мия, что посетила город, а вот исчезновение жителей – это звучало весьма зловеще. Вот только Мирабо умудрился рассказывать обо всем непринужденно-усталым тоном, безо всяких оттенков серого липкого страха.

Штейблиц умчался к гаражу. Несчастные констебли, пошептавшись между собой, решились ехать все втроем, но Мирабо воспрепятствовал такому проявлению служебного рвения, замешанному на страхе и стадном инстинкте.

– Липсиус! Вы останьтесь в мэрии... Поедем с вами позже. Хватит с нашего швабского задиры Этингера и Риксона.

– Да-а-а-а! – раздалось по левую руку от шефа.

– Ну вот... – кивнул Мирабо и направился к двери. – С вашего позволения, шеф, схожу к себе в кабинет.

– Конечно, идите. Как переоденетесь, прошу на рюмку коньяка, все же ночь выдалась сложная...

– И она еще не окончена, – согласился Мирабо.

Вслед за ним вышел коронер и тоже сделал приглашение. Мирабо согласился и удалился к себе в кабинет, где всегда наготове была свежая одежная пара, нижнее белье и обувь.

Тем временем внизу раздался звучный рев. По мраморным ступенькам прокатилась ботиночная дробь, и констебли выбежали прямо под дождь, интересуясь – не нужна ли какая-либо помощь? «Сириус» взрезал улицу оранжевым ножом света, чинно щелкнул дверями и, взвизгнув шинами из натурального каучука, наращивая скорость, покатыл по мостовой. Ветер продолжал утешать тюльпановое дерево, от цветастого великолепия которого остались одни воспоминания. Абсолютно все алые лепестки лежали в глубоких лужах, их уносило в сточные канавы, скручивало в безнадежные и бесцветные сгустки, нигде и никому уже не нужные.

– Ну как вам все это? – сделал неопределенный жест рукой Лауфер, как только Мирабо вошел к нему.

Основное место работы коронера, находилось, разумеется, не здесь, а при городской больнице. Но куча всяческих административных забот требовала отдельного кабинета в здании мэрии. Здесь было более чем уютно. Пара массивных шкафов со всевозможными папками, обшитыми суровыми нитками, полки с толстыми томами различных отчетов, рапортов, экспертиз и прочего, три вазона с одинаковыми растениями, загораживающими листьями окно, что сейчас было явно к лучшему. Другой шкаф, в котором хранился фотографический аппарат с принадлежностями и всякие предметы, в том числе осколок Нароста, разбитого при извлечении тела первой жертвы. Рядом с осколком лежали щипцы и увеличительная линза, что позволяло сделать вывод о том, что коронер не расстанется с надеждой понять природу явления. Узкое казенное кресло в единственном экземпляре, что свидетельствовало о редкости появления гостей. Небольшой стол. На отдельной полочке – канделябр с тремя подсвечниками, но сейчас в кабинете горел электролитический светильник на стене, свечи тут наверняка присутствовали лишь для декорации. Из странностей – пустой аквариум. Маленький. Но все равно непонятный здесь предмет, стоящий посреди стола, в котором не было ни воды, ни песка, ни тем более каких-либо рыб или растений. Он просто стоял на столе, забирая почти все внимание, как забирает его глубокое декольте красивой женщины.

В углу, за дверью, спрятался иконоскоп. Мирабо во многом отдавал предпочтение старому надежному радио, но отлично помнил день, когда в здании мэрии впервые зажегся бутылочного цвета экран иконоскопа. И помнил первую передачу, которую смотрел. Это была трансляция ежегодных соревнований летающих лодок. Экран не передавал цвета, потому было сложно судить, кто лидирует, а кто ошибся потоком и теперь вместо подъема

вверх снова и снова плюхается в воду залива. Потом кто-то додумался рисовать на аэроста-тах огромные цифры, и смотреть соревнования стало интересней. Перед экраном размерами полторы на полторы ладони на штативе располагалась полуметровая система из двух сте-кол, заполняемая водой, предназначенная для того, чтобы можно было разглядеть мелкие детали. Вот только коронер заправлял линзу не водой, а абсентом, благо полыни на плоско-горье хватало с избытком. Из-за этого иконоскоп Лауфера всегда показывал изображение не вполне черно-белое, а с примесью зеленого цвета. Это было сделано на случай, если шефу в очередной раз вздумается бороться с пьянством в мэрии, как он называл свои неожиданные рейды с целью изъятия всех запасов спиртного у служащих. В чем в чем, а в полном отсут-ствии самодурства шефа упрекнуть было сложно. Чего стоили одни вопли несносных птиц, к мнению которых он прислушивался все чаще и чаще.

Лауфер отцедил из линзы в два стакана по чуть-чуть прозрачной салатовой жидкости с горько-пряным запахом полыни, долил почти доверху простой водой, затем достал из стола пару кусочков сахара, смочил в абсенте, выложил по одному на ложечки, которые водрузил на стаканы и поджег. Запах сразу стал гуще и приятней. Мирабо вдохнул, прикрывая глаза, дождался, пока расплавленный сахар полностью стечет из ложечки в стакан и выпил.

– Ваша «Зеленая фея», как всегда, восхитительна, док!

– Благодарю. Но у меня такое чувство, что сейчас самое время просить эту фею о при-дании нам силы и мужества. В молодости мне довелось проходить службу в колониальных войсках, в весьма отдаленной стране, и когда произошла очередная заварушка, я видел, как командиры угощали абсентом пехотинцев перед атакой...

– Это помогало?

– Еще как! Солдаты гибли пачками, но со счастливыми улыбками на лицах. Пушки оказались действенной спиртного. Не люблю вспоминать о той бойне. С выпивкой всегда так – главное, не переусердствовать.

– О да!

– Поэтому я не предлагаю повторить, ведь вам еще предстоит пить коньяк с шефом. А потом... Кто знает, что будет потом...

– Что-то вы совершенно захандрили, мой друг, и абсолютно не веселы – попытался изменить настрой коронера старший инспектор.

– Не весел, вы абсолютно правы...

– И в чем причина? Смерть – такое же естественное явление, как и жизнь. Неизвестно еще, что тут начало, а что конец. Вам ли этого не знать?

– Я-то знаю, но знаю и другое... Это не наша смерть. Вернее, это не та смерть, которая предназначалась всем погибшим в городе за последние несколько дней.

– Поясните?

– Ну, мой друг, пока это все догадки... Как и сам город, нас просто стирают. Вам известно, что происходит с Наростами, уже после появления? Что происходит с домами, которые они пародируют – уж простите, другого слова найти не могу?..

– Как-то даже времени не было задаваться такими вопросами.

– А вы знаете, от чего ушел в запой архитектор?

– От чего же?

– Он измерял величину Наростов, ползал с рулеткой прямо под ливнем и молниями, которые хлестали в громоотводы... И он нашел! Наросты постепенно расплазуются, расши-ряют свое присутствие в нашем мире.

– А дома? Я имел в виду – наши настоящие дома, рядом с которыми выползла эта опухоль? Они что, сплюсциваются при этом?

– Вот тут загвоздка. Боюсь, я не способен все пояснить, мне просто не хватает ума, чтобы понять самому, как может случиться такое, что дома сжимаются самым странным

образом, но при этом внутри у них все остается по-прежнему – длина и ширина комнат, коридоры, все... Ширина улицы тоже неизменна, но вот посреди них постоянно растет нечто... Понимаете, нет? В общем, я и сам до конца не понимаю. Бедняга архитектор, похоже, тронулся, размышляя на эту тему. Он сказал, что вместе с Наростами в наш мир вползает другое пространство, какая-то иная реальность, со своими собственными объемами и расстояниями... В общем, черт его знает что.

– Ого! Вы меня удивили. Но почему об этом не сказать открыто в кабинете шефа?

– Дело в том, что архитектор вначале рассказал о своих наблюдениях и выводах бургомистру, а потом уже мне.

– Ага, ясно. Шеф ему не поверил.

– Больше того! Выгнал из кабинета под вопли своей дурацкой птицы Нет. Орал и топал ногами. Ну, вы знаете, каким иногда бывает наш драгоценный шеф. И в лучшие времена на него снисходили затмения, а тут... Давайте-ка я все же плесну еще по чуть-чуть... Потому что уже чувствую ваш следующий вопрос, про жителей города, и тоже не знаю, как это все сообщить... Вот, смотрите сами.

Лауфер достал из ящика какую-то тряпицу, размотал ее и осторожно вытряхнул содержимое на чистый лист бумаги.

Пока Мирабо разглядывал высыпавшиеся предметы, коронер соорудил еще одну пару абсента, разбавленного водой с добавлением жженого сахара.

– Ну как вам?

– Да совсем никак. Что это, Лауфер?

– Если быть совершенно точным, это прах с одежды всех погибших в последние несколько дней.

Мирабо, который в силу профессии вовсе не был ни мнителен, ни брезглив, тем не менее отшатнулся от стола.

– Вот спасибо! Это что, розыгрыш?

– Скорее самая большая странность, которую я встречал у покойников за все время своей работы... Вы же не ханжа. И это никакой не розыгрыш. Я исследую тела как одежду отлетевшей души, а подсказка была прямо перед глазами нужно было исследовать просто одежду. Вот вам подробности: одежду всех погибших сжигают в крематории. На стальной поддон санитары швыряют все, что снято с покойников; если при них случайно оказываются деньги, санитары оставляют себе, я закрываю на это глаза... Деньги – единственная вещь, которая никому не принадлежит, но которой принадлежат все или почти все... Потом поддон толкают в печь и запирают жароупорной дверцей. Газ подается под давлением вперемешку с чистым кислородом. Затем смесь воспламеняется. По сути, происходит что-то вроде небольшого взрыва, который живо превращает одежду в горстку праха. Затем поддон вынимают, смывают с него гарь и пепел и откладывают до следующего раза. В общем-то, примитивное действие. Я вам это подробно описал, чтобы у вас не возникало иллюзий, будто что-то может пойти случайным образом. Так было всегда. А вот несколько дней назад, начиная с тряпья старухи Эйры, на поддоне стали оставаться странные предметы. Вначале их тоже смывали, но после, когда все повторялось раз за разом, наконец-то поняли, что это совершенно инородные тела, которых не должно здесь быть. Я исследовал это явление и выяснил – то, что остается после сожжения одежды, является стеклянными капельками, будто одежда была осыпана мелкой стеклянной пылью, которая при обжигании сплавлялась в эти самые капли. Понимаете, что тут к чему?

– Наросты, появляющиеся в нашем городе, – из стекла... На погибших людях – стекло... Да уж... И странно, и жутко. Давайте так, Лауфер... Напишите все это в виде объяснительной записки или, еще лучше, рапорта экспертизы, я проверю факты, ну, там, поползаю с рулеткой под ливнями и молниями, измерю Наросты и ширину улиц, поучаствую вме-

сте с вами при сожжении очередных предметов одежды, думаю, сегодняшние мертвецы уже доставлены в больничный морг и ждут своей очереди... Потом навешу архитектора... Подключим Штейблиц, уж его-то шеф послушает...

– Вы думаете?

– Даже не сомневаюсь, Штейблиц подчиняется магистрату только формально, его настоящее начальство сидит куда более высоко...

– Ах, бросьте, я вовсе не о том! Вы думаете – такая возня имеет какой-то смысл? Ковыряться в пепле, измерять улицу, собирать какие-то бумажки?

За окном громыхнуло. Перед входом погас еще один фонарь. Часы на ратуше пробили двадцать восемь раз подряд. Похоже, молния попала в механизм, и он дал сбой.

Лауфер отщелкнул крышку карманного хронометра, и убедился, что сейчас всего лишь полночь и уж никак не то самое запредельное время, что пытались сообщить городу центральные часы...

– Что вы предлагаете? – продолжал инспектор. – Все бросить, закрыться в кабинетах, убраться по домам и там пересидеть до лучших времен?

– Я ничего не предлагаю, просто мне кажется, что уже никаких времен: ни лучших, ни худших – для нас не осталось. Видите аквариум? Тот, что на столе? Вы знаете, Мирабо, он не всегда был пустым. Совсем недавно в нем жила пара золотых рыбок и плевалась камушками со дна во все стороны, за что я не люблю золотых рыбок. Они постоянно пытаются изменить что-то в аквариуме. Вдобавок по каким-то причинам золотые рыбки не любят растения по соседству, и я подарил их кому-то из врачей. До золотых рыбок тут жили данио, поверьте, это очень красивые рыбы. Бывают пятнистыми, бывают полосатыми, с синим отливом и с красным... Они не портили растений. Но я их тоже отдал.

– Почему?

– Слишком беспокойно себя ведут. Мечутся, гоняются друг за дружкой... Это увлекательное зрелище, когда наблюдаешь его время от времени, но когда у тебя рядом постоянное мельтешение полос и пятен, синих и красных, то очень быстро утомляет... Хотя бы растения уживались с ними весьма удачно... Еще раньше здесь плавали сомы, рыбы-лиры, и рыбки-попугаи, которые в период нереста окрашивались во все цвета радуги...

– Извините, что перебиваю, все это увлекательно, Лауфер, но... К чему вы все это рассказываете? Возможно, в другое время я бы не задавал таких вопросов и разгадал ваши метафоры самостоятельно, но из сорока восьми часов я спал не больше четырех, да и то урывками, так что сделайте скидку на мое интеллектуальное истощение. Вот убейте, но я не понимаю, к чему вы клоните. Золотые рыбки. Синие рыбки. Красные. Сомы. Попугаи какие-то и растения... Моя любимая рыба – карась, желателно не в аквариуме, а на сковороде. Можно под сметаной. Да-да, не смотрите так, я еще и не ел все это время, и теперь, кажется, начал заговариваться...

– Все просто. Наш мир – тот же аквариум. А мы рыбы, заселяющие его сегодня. Вчера на нашем месте были другие рыбы, завтра будут третьи или уже десятые. Кто знает... Впрочем, это неважно. Вы абсолютно правы. Вам нужно хотя бы часик поспать, а я пока развлеку шефа, повторив рассказ про архитектора и стеклянные слезы, как я назвал находку из крематория...

– Вы меня прямо спасаете, Лауфер. Если получится поспать хотя бы полчаса, я буду просто счастлив.

– Ну вот и замечательно. Полчаса спокойствия я гарантирую. Вам ведь в таком состоянии все равно, где и в какой позе спать? Оставайтесь в моем кабинете. Здесь вас точно никто не потревожит...

– Да-да, спасибо... Мне бы только чуть-чуть...

Мирабо плюхнулся в кресло, скрестил руки на столе и уронил на них голову. Он заснул мгновенно.

В шкиперском клубе висел густой табачный туман, разбавленный запахами имбирного пива и жареных сосисок. По старой традиции часть доходов от лова шла на содержание Пивного Маяка – этого последнего приюта бывших морских волков: шкиперов и механиков, просоленных до самых ногтей, и аэролоцманов, обеспечивающих точный выход на лов, что к старости почти всегда оборачивалось потерей зрения. Простые моряки, работающие на ваерах, длиннющих тросах, к которым крепятся рыболовные тралы, довольствовались заведениями попроще. Им только предстояло стать счастливыми, способными за один сезон лова прокормить себя, свою семью и весь город на год вперед. Да еще так, что оставалось для торговли с другими городами.

Обычно здесь царил разгул морской души и старых традиций. Мелькали морские наколки – драконы, спруты, якоря. Слышалась особая морская речь, густой бас отставного боцмана с военного монитора требовал к столу очередную пару пива, и молодой капитан обмывал золотые якоря с крыльями – он впервые вывел на лов летающую лодку и до сих пор светился счастьем, которое не смыли первые шторма и первые неудачи. И плевать, что за окнами льет как из ведра и ветер сбивает с ног, плевать на молнии и раскаты грома. И так было всегда.

Но не в этот сезон штормов.

Молчание. Быстрое перекидывание взглядами, будто что-то постыдное. Веселье – разве что напускное. Драконы и спруты попрятались под длинными рукавами рубашек, которые обычно закатывались по самые плечи. Там, в море, им не бывало так страшно, как сейчас, в родном и привычном до боли городе. Потому что все куда-то рухнуло и стало меняться. Непривычные разговоры мелькали над столами и жались по углам. Те, кто имел семью, предпочитали оставаться с родными и близкими, нарушив обычай рыбацкого братства, поэтому народу сейчас было меньше, чем обычно. Зато больше стало грома на небесах и ветра на земле. И страх сковывал мысли. Лодки в штормовой гавани – как в западне. Верхняя дорога перекрыта горной рекой. Основной путь – обрушен в залив. Радио бездействовало. Город отрезан от всего мира. И в него пробралась какая-то нечисть, выползающая из щелей в самое разное время в самых разных местах, ломающая город как ей вздумается, меняющая его облик, стирающая прежние очертания.

Всеми овладело ощущение гигантской западни, в которую превратился Марблтан.

Шкипер Уиклер молча тянул пятую по счету кружку пива, но оставался трезв как рыба дорадо. За одним столом с ним сидели три старых капитана, шевеливших усами и так же молча уставившихся в свои глиняные кружки.

– Да уж... – тоскливо протянул один из них, видимо, намекая на обстоятельства, при которых им приходится переживать этот сезон штормов.

– Ну да... Вот... – следом буркнул другой.

Третий выдавил нечто совершенно невразумительно, почти как радиоприемник, который звучал сейчас в здании мэрии. И все трое посмотрели на Уиклера, будто бы он должен было подвести какой-то итог сказанному. Уиклер молчал. При этом он топил на дне кружки открывшуюся ему тайну.

Он думал. Говорить – не говорить? После того как ему довелось стать свидетелем появления первого в Марблтане Нароста и обнаружить под ним раздавленную Эйру, старик повадился ходить в те места, где появлялись новые Наросты. Поэтому он, как никто другой, знал картину катастрофических изменений в городе. Власти Марблтана отмалчивались.

Несмотря на то что на местах выхода Наростов постоянно бывал полицейский автомобиль, Уиклер не верил, что инспекторы смогут что-то со всем этим поделать.

Второго дня шкипер услышал о том, что Нарост появились в районе детского приюта. Слухи летают быстро. Слава богу, в непогоду властям не приходилось сдерживать панику, которая просто дробилась сейчас на тысячи людских страхов и жила в каждом доме, не превращаясь в еще одно бушующее море! Но слухи, будто искры, все же перебежали с места на место.

Так вот, услышав о приюте, он устремился туда со всей нестигаемой волей старого моряка и прибыл едва ли не раньше констеблей. Все, что он смог сказать при виде Нароста, был лишь тяжелый выдох обреченности и горечи. Приюта больше не существовало. Вместо него в этом так называемом «Дарлингском тупике», топорщилась стеклянная масса кирпичного цвета, которая с одного бока отдаленно напоминала старое массивное здание, в котором располагался раньше приют, вот только колонны Нароста смотрелись косо, казались извивающимися змеями, холодными, скользкими, неизвестно как проползшими сюда. Другой бок Нароста упирался в высокий холм и пытался воссоздать его форму. Правда, получалось у него весьма плохо, отчего вся картина выглядела еще страшнее. Словно шоу уродцев, только вместо уродливых людей – уродливая натура. Эта часть напоминала лысый улыбающийся череп с острыми начесами ненастоящих сосен и шелушащимися струпами ненастоящей хвои.

Дети исчезли. Но те, кто увидел Нарост первым, утверждали, будто после проявления другого мира в воздухе еще долго слышались детские голоса – в приюте как раз было время вечерних песнопений. В общем, от всего этого в самую пору было сойти с ума. Уиклер развернулся и, оттирая слезы, появившиеся то ли от ветра, то ли по другой причине, зашагал к Пивному маяку, чей белый луч вертикально уставился в небо, пытаясь пробиться сквозь плотные облака, накрывшие город.

Затем он побывал еще в трех местах появления Наростов, и видел то же самое – внезапное вторжение инородного гигантского тела, стеклянной цельной массы, протискивание ее между строениями и деталями ландшафта Марблтанa с последующим уничтожением городских, настоящих зданий. Будто проклюнувшийся птенец кукушки выкидывал из гнезда другого птенца, занимая его место. И все это сопровождалось исчезновением людей, обитавших в таких вот подменяемых домах.

Появление наростов, как следовало из рассказов немногочисленных счастлиvчиков, было процессом мгновенным. Как вспышка молнии. Ну, может быть, не настолько быстрым, но уж точно не оставлявшим никаких шансов на спасение. Примерно так же выдавливается лекарство из шприца, на счет «раз, два, три». Кто-то воткнул этот гигантский шприц с изнанки нашего мира и впрыскивает стеклянную дрянь, меняя облик города и жизнь горожан.

А потом шкипер сделал для себя и вовсе ужасное открытие. Только о нем он никому не говорил ни слова, полагая, что никто не поверит, зато точно сочтут его сумасшедшим. Поэтому сейчас, удерживая в руках кружку, он раздумывал: сказать – не сказать? Все же рядом были проверенные товарищи, с которыми ему довелось наглотаться и горя, и радости, и соленой воды. Наконец, он решился...

– В общем, тут такое дело... Я ее видел. – Все трое соседей за столиком уже после первой фразы изумленно уставились на Уиклера.

Еще одной особенностью нынешнего сезона штормов стали сквозняки. Неожиданные, холодные, протягивающие даже через теплые одежды. От них не имелось спасения: словно заговоренные, сквозняки проникали в самые защищенные помещения – казалось, можно запереться в стальной шкафу, но и там они настигнут. И вскоре им приписали роль невидимых

лазутчиков, что проникают в этот мир из какого-то другого и рыщут в поисках удобного места, куда впоследствии втиснется Нарост, отвоевывая пространство у Марблтанана.

Уиклер жил в крошечном домишке рядом со сквером Вечернего Бриза, как его окрестили за пристрастие влюбленных парочек и стариков к прогулкам в этом парке. Вечерами Уиклер читал газеты, сгорбившись на облюбованной парковой скамье, удивляясь, насколько бурной и полной всякой ерунды и высосанных из пальца скандалов и новостей бывает жизнь, заодно поражаясь, какие все же жадные до страстей столичные жители, то ли дело Марблтан!

В непогоду шкипер перебирался с газетами в дом, включал радио и коротал время в тихой дреме. Он уже привык к одиночеству, оно его не пугало. Но этот сезон штормов все перевернул с ног на голову. И в его дом тоже проникли сквозняки, заставляющие перевязывать толстым платком поясницу.

В сквере голодный ветер срывал свое зло на несчастных деревьях. Уиклер слышал, как падали и ломались о землю большие ветви. Над входной дверью колотился фонарь: словно приبلудный пес, он просился, чтобы его укрыли в доме, подальше от такого разгула непогоды. И оказалось, что одиночество никуда не делось. Уиклер вслушивался в вой ветра и гул прибоя, доносившийся со стороны залива, и понимал, что он один и что ему страшно. Радио он включил лишь однажды, в первый же день прихода штормов. И сразу же выключил, в панике едва не сломав костяные клавиши радиоприемника, – настолько жутким оказался звук из тарелки громкоговорителя. Словно косматый оборотень взвыл на луну, одновременно царапая когтями стекло. А потом настало время настоящего стекла, которое пришло из другого мира.

Сидеть дома в таких условиях было совершенно невыносимо. Уиклер нашел выход в преодолении бури, как он сам окрестил это занятие, позволявшее не впасть в холодное оцепенение. Он выходил рано утром под звуки ветра и шум дождя, пешком добирался до Пивного Маяка, где проводил время, после чего под видом каких-то важных дел вновь выходил под ливень и следовал туда, где появился еще один Нарост. Из головы у него все никак не шло то, как затянулось тело Нароста после взмаха молотом. Стекло посыпалось, отколовшись крупными кусками, а после, когда он поднял взгляд, оказалось, что никаких следов ущерба на этом инородном госте нет. Странное сочетание – стекло и неуязвимость. Еще более странным оказалось исчезновение людей. Эйра не в счет, она попала в неудачное время в самое неудачное для нее на всей планете место. А вот те, кто находился в своих комнатах, куда-то девались, не успев ничего осознать. По крайней мере, все указывало именно на это. Если бы шкипер был знаком со старшим инспектором полиции, то мог бы от него узнать, что город наполнился случаями весьма странных смертей и самоубийств. Но таковое знакомство пока не случилось, оно произошло позже.

При жизни он знал старую Эйру, не раз и не два доводилось ему разгружать улов на ее складе. Поэтому, пока все бегали глазеть со страхом на новые наросты, шкипер не забывал почтить своим присутствием и место, откуда все началось. Каждый день он приносил с собой маленький букетик фиалок, неуклюже пытаясь его как-то приладить между стеклянной расплзающейся массой и разрушающимися домами по обе стороны Фри-Дерби, откуда сбежали все-все жители.

Это было самое страшное – чувствовать, что улица мертва, потому что кровь отхлынула из нее и теперь здесь образовалось мертвое пятно. Только однажды он встретил тут другого человека, в котором признал городского архитектора, ведь с ним вечно ссорились все рыбаки из-за нежелания городских властей расширить рыбацкие причалы. Архитектор ползал под дождем, путаясь в длинных полах серого плаща; его высокий цилиндр то и дело срывало с головы ветром, и ему приходилось бросать свое занятие и догонять раз за разом непокорный и абсолютно бесполезный головной убор.

А занятие его и вовсе было странным: он измерял рулеткой какие-то расстояния, записывая цифры в небольшую книжечку. При этом архитектор выглядел крайне взволнованным, настолько, что шкиперу стало его жаль. Не понимая, чем занят бедолага, Уиклер ощущал, что тому открылось нечто вовсе нехорошее.

Потом архитектор удалился, прихлебывая из узкой фляги. Походка его казалась не самой ровной. Но кто мог за это поручиться в такую непогоду... Больше никого рядом с местом первого выхода иномира шкипер не наблюдал. Зато наблюдал другое – странные метаморфозы, происходящие с улицей. В то время как стеклянный Нарост ширился, явно обретая формы домов, между которыми он возник, сами дома, которые по логике должны были как-то там валиться в стороны или начинать трескаться, уступая напору стеклянной массы, вместо этого просто истончались. Задние стены оставались нетронутыми, и если бы смотреть с обратной стороны, то невозможно было заметить ничего странного. А вот со стороны улицы здания будто вжимались в собственные задние стены...

Стеклянный нарост тоже претерпевал изменения. В нем, наоборот, все лучше и отчетливее угадывались черты человеческих построек, появлялись какие-то подобию и балконов, и фасадов, а через пару дней шкипер обнаружил, что масса начинает разделяться точно посередине, часть ее превращалась в здания четной стороны Фри-Дерби, а часть – в здания противоположной стороны. В расширяющейся трещине стало заметно подобие мощеной дороги. Еще немного, и шкипер сумел втиснуться между стеклянными домами, причем он вряд ли мог пояснить, зачем сделал это. Просто по какому-то наитию, которое часто выручало в море, Уиклер, сжав шершавые старческие губы, упрямо пробирался меж двумя холодными скользкими поверхностями, и даже скинул сюртук, чтобы тот не мешал. Его старания оказались вознаграждены самым странным образом. Когда уже показалось, что все, дальше хода нет, что нужно заканчивать заниматься глупостями, которые к тому же грозят воспалением легких, в этот момент нерешительности он провалился в какую-то нишу. От неожиданности Уиклер чуть не упал, больно ударившись плечом. Но там, в той самой нише, он увидел совершенно обычную входную дверь. Такую, как если бы она находилась в самом обычном здании. Внешне дверь выглядела деревянной, хотя на ощупь угадывалось все то же стекло. И шкипер распахнул ее, и вошел в темноту Нароста...

– Видите ли, всемилостивейший Мирабо, – ткнув пальцем в грудь инспектора, валяжно рассуждал бургомистр, пыхтя трубкой из красного дерева, отчего кабинет был пронизан ароматными табачными кольцами. – Ваша затея оправдать архитектора как человеку мне, разумеется, понятна, но как главе магистрата совершенно чужда. В самый сложный для города момент ваш архитектор, вместо того чтобы бороться со всей этой чертовщиной, которая творится в Марблтане, решил превратиться в свинью, напившись до белой горячки и таинственных геометрических видений. Вы знаете, я всегда категорически отрицательно относился к чрезмерному увлечению алкоголем. А сейчас и вовсе расцениваю это как акт дезертирства. Когда каждый человек на счету, кто-то позволяет себе набраться по самые брови, испугавшись чего-то непонятного... Да он просто предоставил вам право тянуть лямку за него самого! Вам что, мало собственных дел, Мирабо?

– Я полностью согласен с вами, уважаемый бургомистр, – дипломатично отозвался инспектор, успевший прикорнуть минут на сорок благодаря самоотверженности Лауфера, – но именно потому, что сейчас действительно сложный момент для города, прошу не принимать таких поспешных решений. Наказать архитектора можно и потом, если ситуация разрешится...

– А вы считаете, что она может не разрешиться? Вы хоть понимаете, что означают ваши слова? Это пораженческие настроения! Мирабо, вы просто устали, мой друг. Прошу вас, поменьше пессимизма; уверен: будь архитектор трезв, он бы измерял улицы и дома, или

что он там измеряет, более тщательно и ему не пришлось бы впасть в ступор. Впрочем, в чем-то вы правы. Во время боя наказывать солдата нельзя, пусть искупает вину победой. А в случае проигрыша наказывать и вовсе никого не придется, так?

– Совершенно верно, – подал голос с другой стороны стола присутствующий Лауфер.

– Да-а! – чуть опоздала с репликой птица Да, тем не менее бургомистр выслушал ее совет весьма внимательно, убирая палец и пряча наконец-то трубку.

– Ладно... Лауфер, способна ли медицина привести в чувство одного алкоголика за один час? Или хотя бы за одну ночь? Если он так важен, то пусть работает, черт побери, а не шатается по улицам как привидение! Пусть ищет ответы – что это за дрянь приползла в наш город, чем она грозит, кто и как ее мог изготовить? Это все по его части!

– Слушаюсь, герр бургомистр! – по-военному ответил коронер. – Я приведу его в норму.

– Ну вот и хорошо, – примирительным тоном сказал шеф, достав жестом фокусника, словно из воздуха, три малюсенькие рюмочки.

Затем так же, будто из ниоткуда, на столе возникли маленький хрустальный графин, на гранях которого играли коричневые искры, и блюдце, заполненное аппетитными канельболе – небольшими закрученными булочками с корицей, напоминающими виноградных улиток.

– Вот что мешает многим принять алкоголь как удовольствие и наслаждение, без излишеств, скажите мне? Разве можно пить коньяк или даже местный абсент стаканами?

– Не-ет! Да-а! – одновременно ответили птицы – их мнения явно разнились. И если бургомистр согласился с птицей Нет, то вот двое других присутствующих благосклонно отметили осведомленность птицы Да.

Они выпили по две рюмочки. Шеф почему-то во всем любил парность и число «два»: две птицы, два дерева в саду – тюльпановое и шелковичное, два любимых цвета – черный и белый, два мнения – свое и неправильное, в общем, он был человеком крайностей и совершенно того не скрывал. Правда, сейчас, при вспышках молний и под стаккато дождя, бургомистр несколько подрастерял начальственный пыл.

– Ну-с, инспектор, давайте выкладывайте, что вы накопили за два дня. Только не говорите, что ограничились ролью педантичного статиста, оформляющего протокол за протоколом, словно бездушная кукла.

– Конечно, кое-что я выяснил. Вот только сперва хочу заметить, что верное и подробное оформление протокола тоже важное занятие, и никуда от этого не деться. Но оно совершенно не превращает меня в куклу.

– Хорошо, извините меня: нервы, переживания, сезон штормов...

– Пустяки. Многие не придают значения канцелярской работе, всем подавай погони, дуэли, допросы... А картина вырисовывается следующая. В городе, как вам известно, постоянно растет число жертв всякого рода несчастных случаев и самоубийств, что никак уже нельзя считать роковыми совпадениями.

Мирабо выдержал небольшую паузу и, пользуясь тем, что бургомистр потирал переносицу, прикрыв глаза, метнул быстрый взгляд на коронера, тот кивнул, словно птица Да, которая тоже кивала всякий раз, когда выдавала свою единственную реплику.

– На мой взгляд, самый важный признак, объединяющий погибших, нашел вовсе не я, а Лауфер.

– Да? И что же такого он открыл? Какой-то наркотик или яд в крови жертв?

– Стекланную пыль, остающуюся на одежде. Я пока никак не могу объяснить, в чем тут дело, но это важная примета. Наросты влияют не только на сам город, но и на жизнь горожан. Каким образом это все происходит и при чем тут стекланная пыль, пока не ясно. Зато ясно как белый день, которого мы сейчас, увы, лишены, что эти события взаимосвязаны. Дальше...

– Это я уже слышал. Лауфер рассказал буквально перед вашим появлением.

– Слышали, но не все. Я проверил адреса погибших, и выяснилось, что все они жили в домах, рядом с которыми возникли Наросты. Можно сказать, убегали от них, но что-то их догоняло, одного за другим, и заставляло умирать. Как, почему, для чего – ответов у меня пока нет. Надеюсь их найти, если это, конечно, возможно.

– Ну что ж... Я тоже буду надеяться на это, – сказал бургомистр. – Продолжайте ваше расследование.

– Само собой разумеется.

– Мирабо, Лауфер! – Он окликнул их уже у самой двери. – Вы этого не знаете, но архитектор все равно бы проболтался... Под ратушей есть старинные подвалы. Когда-то их использовали для хранения запасов зерна и соли. Сейчас там склад, на случай экстренных происшествий: мука, вода, коньяк, пряности, сухари, консервы, еще что-то; всем этим занимался мой предшественник, и до сих пор не имелось никакой надобности в таких запасах, потому я понятия не имею, что же там хранится. Но если дела пойдут совсем плохо, мы используем подвал как убежище. Конечно, городское население или даже жителей одного квартала убежище не вместит, но для членов магистрата, тех, кто будет бороться до конца, и для их семей запасов должно хватить. Бежать нам некуда, город отрезан. Отправленные мной к вершинам добровольцы сообщили, что если ливни не утихнут в ближайшие несколько дней, река Снуки может ворваться в город с гор, притащив камни и глину, что будет означать конец всему. Ратушу выстроили на возвышенности, похоже, именно с учетом такой опасности. Поэтому, если почувствуете неладное, бегите сюда. Вход в подвалы прямо рядом со входом в мэрию, там оказалась заложённая камнями дверь, камни убрали, теперь ее видно, она под лестницей. Не теряйте времени, если что.

– Спасибо, шеф, будем надеяться, нам не потребуется выяснять, съедобны или нет те ржавые консервы, что могут храниться в подвалах, – сказал Мирабо.

– Да-а! – согласился птичий голос.

– Будем надеяться, будем надеяться, – сказал бургомистр. – И вот еще что... Ни в коем случае не считайте, будто я трусливо покинул свой пост. Меня вы всегда найдете в этом самом кабинете. Жду вас с докладом к обеду. Вместе с архитектором. Конечно, если Лауфер поставит его на ноги.

Вместо ответа инспектор с коронером молча поклонились и покинули кабинет бургомистра.

– Вы со мной? – направляясь к выходу, спросил Мирабо.

– Разумеется. Почему-то такое чувство, что сегодняшняя ночь особенная. Как-то слишком тревожно вокруг, сам воздух пахнет тревогой, вы не находите?

– Это коньяк, Лауфер. Коньяк, наложившийся на абсент и вступивший с ним в химическую реакцию, выделяющую в организм грусть и тревогу. Кстати, об абсенте... Вас не затруднит на минутку заглянуть в свой кабинет поправить линзу иконоскопа? Ведь нам еще поднимать на ноги архитектора, а я знаю только один способ лечения...

– Вы прямо читаете мои мысли. Именно это я и собирался сделать. Давайте зовите констебля, куда он запропастился? А я через пару минут... Нужно собрать саквояж с инструментами...

– Обойдемся без него. Пусть останется рядом с бургомистром.

Минут через пять от ратуши отъехала полицейская машина и направилась к кварталам Гильдии Мастеров. И это были последние минуты, в которые им всем удавалось сохранять спокойствие...

После долгого и местами невнятного рассказа шкипера наступила тишина. Он даже не заметил, как сидящие за соседними столами моряки прекращают свои разговоры, начиная

прислушиваться к его словам. Здесь было человек двадцать, в этом зале Пивного Маяка. Теперь в их глазах читалось разное – от снисходительности и иронии до изумления и ужаса. Кто-то поверил, а кто-то наверняка решил, что шкипер был попросту пьян, раз ему мерещится такая жуть.

– Даже не знаю, что думать, – наконец проговорил длинноусый сосед по столику. – Одно могу сказать точно, Ю-Джи – в море часто называют друг друга по первым буквам фамилии и имени, эта привычка потом остается на всю жизнь, – сам ты определенно веришь в то, что увиденное было не галлюцинацией и наваждением. Но кто может сейчас дать руку на отсечение, что в город, кроме стеклянной дряни, не вторгаются какие-то видения...

– Я не выдумываю. Нечего мне больше делать, – фыркнул Уиклер. – Если это и был какой-то морок, то, клянусь жизнью, он был чертовски похож на правду. Ну а кто не верит, могу предложить прямо сейчас прогуляться до Фри-Дерби, там и посмотрим что к чему. Согласны? Чего уставились? Давайте, кто тут смелый и кто считает меня обманщиком и треплом?

– Не кипятись, Ю-Джи. Если все, о чем ты сказал, правда, то нам пора думать, как сматываться из города, пока он нас совсем не проглотил. А если ложь, то лучше от этого нам не станет. Наросты возникают все чаще. Люди бегут из жилищ прямо под дождь, укрываются в соседских подвалах, но больше – исчезают без следа, будто их и не было. Что одно, что другое... Но я тебе верю. Очень уж многое совпадает... А вралем ты никогда не был...

– Так что же тогда делать? – подал голос другой отставной моряк.

– Спасаться, пока мы не увидели то же самое, что и Ю-Джи...

– Спасаться? Как? Куда?

Примерно треть присутствующих присоединились к Уиклеру, большинство все же махнул рукой и продолжили обычные пустые разговоры. Хотя каждый из них нет-нет да и бросал взгляд в сторону сгрудившихся вокруг Уиклера моряков. Мало ли... Всегда ведь полезней поверить в небылицу, чем отмахнуться от правды. А кто знает, в чем небылица, а в чем правда, брат?

– Разрешите говорить, эчеленца? – вмешался в разговор совсем молодой аэролоцман, явно нездешний, прибывший с берегов совсем другого моря.

Почтительность возымела действие, и, несмотря на разницу в возрасте, ему дали слово.

– Меня зовут Джакомо Пирелли. Я слышал рассказ, я выражаю восхищение вашей выдержкой и спокойствием: другой бы точно наложил в штаны, я-то уж точно, повстречай такое! – Тут все улыбнулись откровенному признанию молодого человека. – А сказать хочу вот что... У нас в Тавестии, это далеко к югу, летающие лодки используют не только для лова.

– Ну-у, известное дело: кто в молодости не катал дамочек над заливом? – усмехнулся старый, похожий на потертую монету механик, явно начинавший карьеру в те времена, когда моторы казались сказкой и ненужными громоздкими игрушками.

– Нет, не дамочек. Хотя их, конечно, тоже... В Тавестии горы высокие, выше, чем здесь... Мы перевозим почту.

– Почту?

– И еще саженцы, которые выращиваются на побережье, где климат мягкий, а потом отправляются в другие страны.

– Саженцы?

– Сейчас расскажу. Дайте, пожалуйста, воздушную лоцию.

На стол легла карта ветров Гримальдского залива, подавальщик принес дюжину пива с солеными орешками, и речь пошла о приятных сердцу и памяти любого моряка вещах. И страх отступил. Но только на время.

Едва они отъехали на несколько кварталов от ратуши, как стало ясно, что дальше не пробраться. Поперек улицы валялась всякая всячина: камни, вывороченные из мостовой, мешки, наполненные чем-то на вид твердым до самых горловин, разломанная мебель, корзины, оконные рамы, остов кровати, телега, которой не хватало одного колеса, – а за импровизированной баррикадой укрылись люди, и Лауфер вступил с ними в переговоры. Через пять минут стало ясно, что жители этого квартала напуганы дальше некуда. Напуганы пришествием чужаков, как выразился их предводитель – верзила-кузнец, устрашающе махавший перед собой кувалдой.

– Что там? – спросил Мирабо, когда коронер вернулся к автомобилю.

– Я бы назвал это истерией, и, скорее всего, так оно и есть. Они боятся каких-то чужаков. Но из-за дождя и ветра, а еще больше из-за того, что они пытаются говорить одновременно, я мало что понял.

Как не хотелось Мирабо выходить из салона под дождь! Но ему пришлось это сделать и направиться к баррикаде. Значок офицера полиции на лацкане пиджака немного успокоил горожан, и инспектору удалось выяснить, что буквально час назад в соседнем квартале возник Нарост, раздвинувший сразу четыре дома. И все бы ничего, если бы из того нароста не появилось несколько фигур, отдаленно напоминавших людей, но вблизи оказавшихся похожими на восковых кукол с размазанными чертами лица и недооформленными конечностями. Одежда на них, как образно пояснил кузнец, была будто нарисованная.

– Они... как сказать?... будто люди, походка как у автоматов, которые показывают на ярмарках, только вместо латуни и бронзы все какое-то странное – металлический лед, что ли...

– А может, они из стекла? – вставил реплику Мирабо.

– Может, кто их разберет. Но только это... как сказать?... не люди. И если констебли не способны управиться с такой дьявольщиной, мы сами... как сказать?... попробуем их остановить. Один уже готов, – с гордостью добавил кузнец, приглашая взглянуть на дело рук своих.

Рядом с баррикадой валялась куча осколков; верным признаком, что это было не простое стекло, являлись отскакивающие и прыгающие брызгами в стороны дождевые капли.

– Видали? Этого я укокошил, но был второй, вот тот уже казался похожим на человека, и его я не смог... Он... как сказать?... был совсем прочный. Если это стекло, то такое, которое ничем не разбить и не расплавить...

– Наверное, все дело в том, чтобы не дать им окрепнуть в нашем мире, – поделился догадкой какой-то школяр, засевший за ящиком с камнями с рогаткой в руках.

– Наверное... – процедил Мирабо, которому совершенно не понравилось услышанное и увиденное. – Но вот скажите, что вы станете делать, если прямо сейчас за вашими спинами возникнет другой Нарост и оттуда тоже выйдут такие вот... не совсем люди...

– Будем драться! – уверенно ответил кузнец.

А вот эта фраза пришлась инспектору по душе.

– Советую вам создать заграждение и на другом конце улицы, чтобы можно было отбиваться со всех сторон. По возможности я пришлю сюда всех, кого встречу, расскажу им про вашу баррикаду. Увы, не могу остаться с вами, меня ждут в другом месте. Уверен, скоро везде станет жарко, так что – удачи, и храни вас Бог.

– Благодарю, инспектор, – сделав легкий поклон, ответил предводитель, – вы тоже берегите себя. Эти твари, как сказать, опасны. Они явились к нам явно не для чего-то хорошего.

– Да? Я понимаю: Наросты, фигуры – все это вообще не с чем сравнить, – но почему вы решили, что они опасны?

– Что за вопросы? Это твари из ада, не иначе! Чего хорошего от них ждать? Пока я крушил одного, второй зашел мне за спину и пытался задушить; знаете, какая у него, как сказать, хватка?

– Значит, нападение...

– А еще он что-то пытался говорить... Это страшнее всего... Только я ничего не разобрал. Хорошо, живым остался. Но вот второй – тот меня напугал. Я его, как сказать, три раза ударил... И сильно ударил! И ничего. Повернулся, пошел обратно, в свой Нарост...

– Обратно? Они могут выходить, а после входить обратно в Наросты? Там что, открылись двери?

– Я не видел... – Кузнец облизнул выпяченные губы. – Но мальчишка с рогаткой... Он побежал подсмотреть. Сказал, они прислонились и исчезли, ну вот, как будто маленькая лужа к большой. Как сказать... Вливаются одна в другую... Как ожившая ртуть.

Пока водитель искал объезд, запутавшись в проулках и тупиках, Мирабо пересказал услышанное Лауферу. Тот нахмурился и достал фляжку.

– Ожившая ртуть? Металлический лед? Как это все связано со стеклянной пылью на одежде настоящих людей? На них-то никто не нападал.

– Вернемся к догадке, которую я высказал в кабинете шефа. О том, что все жертвы последних дней – это люди, которые спасались от Наростов и чьи дома подверглись вторжению этих самых Наростов. Хотя подождите-ка! – Мирабо достал пачку протоколов и сверился с некоторыми записями. – Ага! Уточняю. В число погибших входят и те, кто не обязательно находился у себя дома. Главное – их место обитания, адрес...

– Вот так?

– Да, и это не может быть простым совпадением. Вначале появляется Нарост. При его появлении часть людей гибнет в своих домах. Другая часть сбегает. Третья вообще в тот момент находилась в другом месте. Но и с третьими и со вторыми происходит какие-то странные вещи, оканчивающиеся смертью...

– В общем, все дома, рядом с которыми появилась эта дрянь, обречены, и точно так же обречены все жители этих домов независимо от того, где они находились в момент появления Нароста. Вы это хотите сказать?

– Ну, пока это единственное логическое объяснение происходящему. Вот только если эта версия правдива, то вскоре нам всем предстоит умереть. По моим прикидкам, Наросты захватят весь город точно к окончанию сезона штормов.

– Замечательно, Мирабо! А другой версии у вас нет? И откуда все же взялась стеклянная пыль на одежде всех жертв?

– Увы... Рад буду ошибиться в своих догадках, но пока это единственное логическое объяснение имеющимся у нас фактам. А как на одежду попадает стеклянная пыль – не имею ни малейшего понятия. Столько всякого. Наросты. Теперь автоматы... Живая ртуть, словно электрические големы...

– Вот в этом как раз никакой загадки. Творец создал человека из глины, что суть песок, потом создал другого человека, из стекла, что тоже суть песок... Смена рыб в аквариуме. Тогда новый Творец просто метит всех стеклянной пылью, чтобы не ошибиться в подсчетах.

– Пару веков назад за такие разговоры вас бы отправили на костер.

– Возможно. Какие наши дальнейшие действия? Я ведь все равно не понимаю – как с точки зрения логики происходят все эти странные смертельные случаи и самоубийства? Вот, например, если в эту минуту Нарост уничтожит мой дом, то когда я должен буду погибнуть? И что произойдет с вами, если вы рядом, но ваш дом пока стоит целехонек? Или мы вместе...

– Точно! Вы гений, Лауфер! Должен признаться, я немного схитрил, когда говорили про абсолютно все случаи... Одна смерть все же не укладывалась в общую картину. Женщина выпрыгивает из окна, при этом цепляется за другую женщину. Возможно, она так пыталась

спастись, но при этом все равно погибла и погубила другого человека, подругу, у которой укрывалась после того, как покинула оттесненный Наростом дом.

– Ну, я рад за вас. С точки зрения теории это маленькая победа логики над непознанным. А вот со всех других точек... Даже думать не хочу о той картине, что вы нарисовали.

– Не я нарисовал. Она сама нарисовалась. Я всего лишь инспектор. Собираю факты, заполняю протоколы... Я же говорил: педантичность – великая вещь в нашей профессии. Правда, сейчас от нее никакого толку. Доедем до Штейблиц и вместе подумаем, как нам уносить ноги. Надеюсь, шеф не забудет все, что он говорил про подвал под ратушей.

– Считаете это лучшим выходом?

– Нет. Но в голову больше ничего не приходит. О, вот и Штейблиц! Легко на помине.

Фары высветили высокую фигуру, удаляющуюся в сторону огромного, высотой едва ли не в двадцать пять ярдов, Нароста, выползшего прямо на храмовую площадь. Сразу отпал вопрос, куда подевался островерхий городской собор, в котором, насколько знал инспектор, пытались укрыться многие верующие горожане. На миг ему даже показалось, что он слышит сквозь дождь и многие тонны стекла сдавленный стон, рвущийся одновременно из сотен сплюснутых грудных клеток.

– Ну чего же ты не сигналишь? Жми на клаксон! – скомандовал он водителю.

Но тот вцепился в рулевое колесо дрожащими руками и таким же дрожащим голосом произнес:

– Ноги! Посмотрите на его ноги! Это же...

– Что там еще с ногами? Штейблиц! – чуть приоткрыл дверцу и крикнул вслед удаляющейся фигуре Мирабо.

– Это не Штейблиц. Водитель прав, – меланхолично заметил коронер, отхлебывая из фляжки. – Его ноги словно рычаги на шарнирах. Пародия на человеческую походку. Автоматон. Кажется, именно это слово употребил наш мистер «как сказать» на баррикадах?

Мирабо вышел из авто, присмотрелся, а после сделал то, чего коронер никак от него не ожидал. Инспектор выхватил огромный револьвер, сияющий хромированными накладками рукояти, и сделал три выстрела. Даже в непогоду они показались оглушительными. Фигура дернулась, из спины ее брызнул маленький фонтан, но коронер слишком хорошо знал, что кровь вылетает фонтаном из выходного отверстия, а никак не из входного. Затем раздался стеклянный звон, и все стало понятно. Мирабо сделал еще один выстрел, который тоже не причинил фигуре никакого вреда – разве что снова высек из туловища сноп разлетающихся стеклянных осколков. Это стекло по прочности явно превосходило то, из которого делают окна и посуду, сделал вывод Лауфер. Что-то заставило его выскочить из машины вслед за инспектором: может, любопытство, может, какое-то чувство сопричастности, – но именно поэтому Лауфер тоже успел увидеть, как фигура прислоняется к поверхности Нароста и будто всасывается внутрь, отчего по стенке Нароста прошла небольшая волна.

– Двойники! – кричал между тем инспектор. – Это все из-за двойников! Они как-то там уничтожают настоящих людей, чтобы занять их место! Потому случайная смерть бродит по городу! Вы сами говорили – это не наша смерть! Так и есть!

Позади раздался гудок. Водитель, справившийся с испугом, обратил их внимание на совсем уж нерадостное зрелище. Из дверного проема, держась за грудь одной рукой, со второй, безвольно повисшей вдоль тела, показался Штейблиц. Настоящий. Пока еще живой. Он сделал два неуверенных шага и упал. Мирабо и Лауфер бросились к нему, но с первого взгляда коронер понял, что дела у Штейблиц – хуже некуда.

– Что с вами? Кто вас так? – суетился Мирабо, перевернув офицера сыска на спину и подкладывая под голову свой плащ, одновременно пытаясь прикрыть ему лицо от дождя.

– Я говорил... Есть только один, кто меня побеждает на дуэль... Только я сам!.. – с какой-то непостижимой гордостью произнес Штейблиц и отошел в лучший мир. Во всю

грудь у него цвело красное пятно, еще два пятна растекались в области шеи и сбоку, чуть пониже ребер...

– Три укола. Все три смертельны... Чистилище пройдено. Начался ад!

Дождь стекал по застывшей улыбке Штейблица, по рукам и коленям Мирабо, перемешиваясь с его слезами. Рядом стоял в странном оцепенении Лауфер – скрестив руки на груди, обхватив плечи, будто стараясь закрыться от этого мира, от дождя и всего сразу.

Снова сигнал авто отчаянным пунктиром прострочил ночь, и им открылась совершенно жуткая картина. Из Нароста, выплываясь один за другим, выскальзывали люди. Вернее, они были почти похожи на людей. Безглазые, чуть сплюснутые оловянные тарелки вместо лиц, дерганные неуверенные движения ног с какими-то комлями вместо ступней, тела отливают свинцовыми искрами в свете молний. Но в руках у них под непрекращающимся дождем самым непостижимым образом горели свечи!

Темная месса под темным грозовым небом. Невидимый церковный орган в глубинах Нароста взял жуткий вибрирующий аккорд, и площадь заполнилась ритмичным гулом потревоженной мостовой.

Шаг. Еще шаг. Инспектор выпустил оставшиеся в барабане пули, две фигуры разнесло в стеклянные клочья.

– Нет! Не разворачивай! – крикнул Мирабо водителю, собиравшемуся сдавать задним ходом. – Назад не проехать... Давай через площадь! Пока они еще хрупкие.

– Но как?

– На заднее сиденье, живо! – Инспектор потеснил совершенно потерявшегося водителя и занял его место.

Следующие несколько секунд были схожи с автопробегом внутри посудной лавки. Во все стороны летели полупрозрачные, пока еще не сформировавшиеся людские конечности, осколки лиц, куски раскрашенных платьев и сюртуков. Даже флегматичный Лауфер прикрыл глаза, чтобы не вглядываться в мельтешение жутких фигур, взрослых и детских, рассыпавшихся со стекольным звуком, когда автомобиль врезался в них на полном ходу. То, что должно стать людьми, гибло под колесами, но их было много, слишком много, чтобы на ум пришла жестокая безумная идея перекрошить всю площадь.

Потом машину потряс сильный удар, как если бы они врезались в столб. Но то был не столб. Прямо перед ними, в свете уцелевшей фары, вторая оказалась разбита, стоял тот, другой Штейблиц. Вот у него уже имелось лицо, пальцы. Одежда как настоящая, и весь он как настоящий, кривил губы в несвойственной погибшему Штейблицу усмешке.

– Сдохни, тварь! – Мирабо в отчаянном жесте снова выхватил оружие, пытаясь стрелять через развороченное ударом лобовое стекло, совершенно забыв, что не перезарядил барабан.

Вместо него это сделал Лауфер. Как всякий человек, имеющий отношение к полицейским расследованиям, он носил с собой револьвер, правда, калибром поменьше, чем оружие инспектора, но при выстрелах в упор это не могло иметь никакого значения. Первый хлопок, второй, третий; губы ненастоящего Штейблица изогнулись по-звериному, будто бешеный пес оскалил клыки перед броском. Выстрелы оставили только небольшие вмятины. Причем вмятин оказалось шесть. Еще три наверняка были отметинами дуэльного клинка Штейблица, отвечавшего ударом на удар своему двойнику. Все три несли бы верную смерть живому человеку. Но не тому, кто выходит из стеклянного чрева подобно Ионе, выходящему из желудка огромной рыбы.

Потом двойник Штейблица достал клинок и сделал выпад. Мирабо не успел увернуться, и ему оцарапало плечо.

– Бежим! – проорал на ухо Лауфер, выталкивая инспектора из салона.

Водитель уже успел исчезнуть; коронер даже не заметил, как это произошло. Ну и черт с ним, с трусом, решил Лауфер, выпуская оставшиеся три пули, что позволило им выиграть пару секунд и умчаться, прежде чем лже-Штейблиц сделал следующий выпад.

Со стороны баррикады, которую они встретили по пути к соборной площади, доносились вопли боли и отчаяния. Жители Марблтан ввели свою последнюю неравную битву. Когда полицейский и коронер добежали до баррикады, там все уже было кончено. Под ливнем движущиеся фигуры казались размытыми, нечеткими, они просто склонялись над другими фигурами, которые лежали на мостовой. Склонялись и делали короткие движения.

– Они их добивают! – понял Мирабо и тут же принялся набивать барабан патронами.

Если бы не Лауфер, инспектор закончил бы свою жизнь прямо здесь.

– Им уже не помочь! Твои пули бессильны! Нужно прорываться к ратуше!

И они мчались в темноте, между замершими, опустевшими домами. Марблтан превращался в город-призрак. Шторм ликовал. Наросты пульсировали, выпуская новые и новые фигуры. Это была агония.

Когда они выкарабкались из нижней части города, им открылся белый луч, бьющий вверх.

– Туда! – скомандовал инспектор, и вскоре они оказались в совершенно другом мире.

Здесь по-прежнему жили иллюзией, будто все как-то наладится, сюда не долетели вопли ярости и крики боли тех, кто сражался на баррикадах в нижнем городе. Кружился диск радиолы, выводя приятную салонную мелодию, подавальщики в матросских тельняшках и рыбацких шляпах разносили пиво. Какой-то старый шкипер в десятый, наверное, раз пересказывал свою историю. Инспектор и коронер слышали ее с середины. Про то, как рассказчик столкнулся с какой-то старухой, которая на самом деле погибла в первый день появления Наростов. Как она говорила ему, что время закончилось, что теперь будет все новое: новые люди, новая жизнь, – что так решили где-то высоко-высоко древнейшие боги... Потом старик со смехом рассказал, как успел сбежать, оставив свою одежду в руках призрака... Все улыбались. И все чему-то радовались. Но чему?

Когда коронер задал этот вопрос, ему сообщили важную новость.

– Нам повезло. Тут оказался парень, с южного побережья, то ли Джеронимо, то ли Джанни... В общем, он подсказал, как можно вывести летающую лодку, используя воздушные потоки над горами. И взялся доставить весточку во внешний мир. Сказал, они так перевозят почту и саженцы у себя там, в горах... Это был самый смелый полет, чтоб мне провалиться! – закончил рассказчик. – Так что скоро придет помощь, и все закончится...

– Джанни или Джеронимо, говорите... – Глаза Мирабо расширились до невозможного предела. Он выхватил все ту же пачку мелко исписанных протоколов, которую носил в нагрудном кармане, и быстро-быстро пролистал до середины. – А может, его звали Джакомо? Джакомо Пирелли? Аэроштурман из Тавестии, прибыл в наш город рисовать картины, это его хобби. Остановился в городской гостинице. Его еще чуть не смыло в море.

– Точно, Пирелли! Из Тавестии! – слышались голоса. – Но ведь гостиницу три дня назад прихлопнул Нарост!

– Я вспомнил. Темноволосый южанин. С наколкой птицы на плече. Принял сок цикуты. Самоубийство. Я занимался вскрытием, – проговорил на самое ухо инспектору Лауфер. – Боги не допускают ошибок. Их план всегда сбывается.

– Саженцы? Что ж... Подходяще... – лицо инспектора исказила гримаса боли, но никто не обратил на это внимания.

Все потонуло в скрипичных звуках, в таверну ввалились несколько моряков, и веселье продолжилось. Отсюда не было слышно мерной поступи тысяч и тысяч новых людей, поднимающихся в верхний город.

Лауфер достал флягу, отхлебнул и протянул Мирабо. Тот кивнул. На небе ударил гром. В кабинете коронера пустой аквариум дал трещину – больше в нем никогда не будет никаких рыб.

Где-то под зданием ратуши укrywшиеся люди задали один-единственный вопрос – выживут ли они? И две птицы ответили одновременно, каждая на свой лад. Что бы это значило? – подумал бургомистр, запирая массивную дверь в подземелье, отгораживаясь от внешнего мира.

* * *

Это письмо запомнилось мне больше всех. Не по внешнему виду и даже не по содержанию. По запаху. От покоробившихся страничек, когда-то подмоченных и высушенных теплым воздухом калорифера, ощутимо пахло тиной. А еще затхлой водой и немного – соляной.

Видимо, он и писал прямо там, этот русский доктор, среди переборок, патрубков и трубопроводов, среди рулей глубины, манометров и заклепок, прислушиваясь к протяжному скрежету прочного корпуса.

Старый конверт долго искал меня, письмо шло через Австралию и Перу, через Гавайи и Сан-Франциско. Пока почтовый вагон вез его с Восточного побережья через все Штаты, неистребимая подводная влажность успела просохнуть, но запах, кисловатый, гнилостный запах тины, так и не смог выветриться.

Не знаю, когда доктор поставил последнюю точку – он не написал дату, а штемпель на конверте давно выцвел, – год назад или десятилетия, не знаю.

И еще. Я перерыл архивы, раз десять, наверное, перебирал всю корреспонденцию, а потом ждал еще несколько месяцев. Но второе письмо от него так и не пришло. То ли субмарина навсегда ушла в глубину, то ли его последняя молитва оказалась пророческой...

Псалмы субмарины Вадим Вознесенский

*Long afloat on shipless oceans
I did all my best to smile
Til your singing eyes and fingers
Drew me loving to your isle
«Song to the Siren», Tim Buckley*

*Они – суть страждущей плоти Его,
С примесью черной моей крови
И алчущего безумия – черви,
Настигнут, насытят чрева свои,
И превратят, исторгнут в муках
В безобразии своем великолепную,
Родят иную, неведомую жизнь.
Ибо пребудет во всем семя Его
Йайн, темные Владыки Саккарта!
Йайн! Йайн! Йайн!*

– Герр доктор, познакомиться с ihr patienten... вашим пациентом. – Капитан легко похлопал меня по плечу и подтолкнул к шлюзу.

Я, борясь с тошнотой, шагнул в слабо подсвеченное нутро носового отсека, не без труда ориентируясь из-за тесноты и полумрака. Мы прошли мимо стены с двумя рядами откидных коек и оказались в узком тупике. С одной стороны, отгороженные шторой, в нем ютились кровать, откидной столик, небольшой шкаф, а напротив располагалась стойка с мерцающими лампами и настроечными шкалами-потенциометрами. За аппаратурой, ссутулившись, сидела темноволосая девушка.

– Есть? – Мой провожатый наклонился, и я скорее почувствовал, чем увидел, как напряглись ее плечи.

– Нет, – прошептала девушка, не поднимая головы.

Голос, именно тот голос, который я слышал в телефонной трубке.

– Плехо, Марина. – Капитан неспешно поднял с палубы валяющийся кусок толстого резинового патрубка и, коротко размахнувшись, внезапно ударил девушку по кисти.

Я вздрогнул, кровь, пульсируя, прилила к вискам. Радистка не произнесла ни звука, даже не пошевелилась, руки так и остались лежать на столе.

– Девочка, mach mich nicht... не заставляй меня ломать твои пальцы снова.

Девушка, похоже, кивнула – пряди засаленных волос едва колыхнулись. Капитан бросил патрубок обратно на пол.

А я не мог отвести взгляда, наблюдая, как набухает на ладони Марины глубокая багровая борозда и как криво срослись кости мизинца и безымянного пальца...

Это сумасшествие началось, когда я решил покончить со старой жизнью. После Пришествия Древних привычная медицина стала медленно, но уверенно отходить в прошлое. Получилось так, что людям стало удобнее полагаться на Слова Силы, чем на учение Гиппократ. Любые болезни – вещали пастыри – лишь следствие проклятий и одержимости, а исцеление обрывается в молитве, причщении и жертвоприношениях. Надо признать, чудеса

Веры действительно случались, оттого из эскулапов востребованными оставались разве что костоправы.

И еще психиатрия кое-как балансировала между наукой и ересью, пытаясь по мере сил отделять проявления истинных божественных присутствий от воспаленного воображения. Тем для исследований хватало.

Представители же моей профессии – неврологи – уходили с врачебной сцены безропотно. Смирившись, что бессознательное, движущее человеком, есть не рефлекторная деятельность, а результат влияния высшей воли. Чушь, конечно, но в эпоху массового умопомешательства спорить с толпой не хотелось – рискуя оказаться принесенным в жертву ради чьего-нибудь исцеления.

Практика заглохла, и мне ничего не оставалось, как днем бродить по агентствам, а по вечерам, в скуке и одиночестве, перелопачивать газетные объявления. В медиках мир не нуждался. Временно, конечно, однако я от этого радости не испытывал – жить приходилось днем сегодняшним. Выбор доступных профессий оказался невелик, и я уже склонялся к мысли, что еще пару месяцев – и буду морально готов работать даже дворником.

Каково же было удивление, когда я наткнулся в газете на вакансию судебного врача. Было поздно, но я не рискнул откладывать. Телефонистка соединила меня с указанным в объявлении номером агентства, там уточнили данные и сказали, что свяжутся с заказчиком. Ответный разговор не заставил себя ждать – трель звонка разбудила меня сразу после полуночи.

– Вы настоящий доктор? – послышалось в трубке, и, кроме серебристого, с едва уловимой хрипотцой, девичьего голоса, я услышал противный скрежет помех.

Вероятно, связь была организована через радиокommутатор.

– Да, конечно, диплом медицинской академии...

– Нам не нужны клирики, которые врачуют рукоположением.

Голос, даже перемежаемый электрическим шумом, очаровал. И требование к врачевателям меня более чем устраивало. Говорят, некоторые адепты Древних способны оживлять мертвецов, но я всегда считал, что проще не допустить смерти, чем устраивать эксгумации, наслушавшись шарлатанов.

– Я понимаю вас. Практикую только научные, медикаментозные методы.

В конце концов общий курс медицины я изучал, а для того чтобы наложить лангет в экстренных условиях, совсем не обязательно упражняться в полевой хирургии на фронтах Первой мировой. К тому же у меня теплилась надежда, что обязанности судебного врача ограничиваются выдачей лекарств от морской болезни и распределением корабельных запасов спирта. Если одно не подразумевает другое.

Кстати говоря, я вырос в русском квартале Харбина, море видел только на репродукциях и совершенно не представлял, как поведет себя при качке собственный организм. О чем честно признался.

– У нас почти не качает, – колокольчиками отозвалось сквозь помехи. – Помолчите, надо подумать.

Видимо, корабль не маленький, может даже – какой-нибудь круизный лайнер. Я послушно помолчал, а треск помех просочился по проводам и заполнил мое сознание, тревожа и одновременно навевая сухопутно-наивные мысли о далеких берегах.

– Вы нам подходите, – ответили по прошествии где-то минуты.

Хотя, не исключено, ответ прозвучал и с большим интервалом. Ощущение времени отшибло напрочь.

Я спешно выехал через границу во Владивосток – там, в порту, была назначена встреча. Меня проводили на какой-то полузаброшенный причал, где взору предстал выдавший виды

буксир – мечты о белом пароходе оказались преждевременными. Правда, настроение чуть поднялось, когда штурман буркнул, что настоящий работодатель ждет в море, а его дело маленькое – доставить пассажира ко времени.

Часа через три плавания пришло понимание, что мой вестибулярный аппарат отнюдь не в восторге от пляшущей под ногами палубы. Капитан некоторое время наблюдал мои заборотные потуги, потом попросил пройти в каюту и не выходить, пока не позвуют.

– Зачем? – не понял я.

На свежем воздухе ощущалось хоть и не намного, но легче, чем в замкнутом помещении.

– Так лучше будет.

Недоумеваю, я все же удалился. В каюте упал на койку, скрючился на пропахшем сыростью матрасе и уткнулся лбом в прохладную переборку. Лучше не стало, но под мерное раскачивание я на какое-то время впал в забытие и пропустил момент швартовки. Меня вежливо растолкали, помогли собрать вещи, довели до сходней. Они вели вниз. Уже стемнело, и кроме иллюминаторов буксира, других источников света не было. Я почти на ощупь перебрался с одного борта на другой, мне помогли дойти до двери, потом по лестнице спуститься еще ниже, и только после этого я попал в освещенное помещение.

– Здравствуйте, доктор.

Моим собеседником оказался невысокий сухощавый мужчина лет сорока. Впалые щеки, резкие черты лица, редкие брови – наверное, именно так и должны выглядеть настоящие морские волки. Разве что кожа, на мой взгляд, была не настолько обветренной и загорелой, чтобы полностью соответствовать образу. Говорил мужчина с сильным немецким акцентом.

– Я капитан Ван Страатен. Добро пожаловать на лодку.

– Лодку? – удивился я, подавая ладонь для рукопожатия.

Крепкая хватка, сухие холодные пальцы – капитан создавал впечатление жесткого и уверенного в себе человека.

– Здесь некоторые вещи вам могут показаться fremdartig... странные. – Капитан не обратил внимания на мой вопрос. – Принимайте это, как есть – jedem das seine...³ Каждый из нас должен делать свою работу.

У меня все еще кружилась голова, во рту стоял привкус желчи, и вообще чувствовал я себя отвратительно.

– Боюсь, капитан, именно сейчас мне будет трудновато делать свою работу. Надеюсь, никто не нуждается в срочной помощи врача, кроме меня самого? – попытался я пошутить.

Моя попытка не вызвала даже тени улыбки.

– Мы заканчиваем schiff bestimmungen... грузить припасы. Потом, in den abgrund... на глубине, качать не будет. Когда освободится, я поручу erster nautischer offizier... старшему помощнику показать вам лодку. А с вашим пациентом вы сейчас будете знакомиться...

Он ударил ее без ненависти, и это, пожалуй, напугало меня больше всего. Но ее тихая покорность повергла меня в ступор. Соображал я и так не очень ясно, но сейчас меня охватило ощущение абсолютной нереальности происходящего. Машинально я коснулся ладони девушки, чтобы осмотреть повреждение. Не для этого ли меня пригласили на лодку?

Марина отдернула руку – недавний удар капитана она перенесла безропотно, а от моего прикосновения встрепенулась, словно я приложил к телу раскаленный прут.

– Не надо, – сказал Ван Страатен.

³ Каждому свое (нем.) – надпись на воротах концлагеря Бухенвальд.

Сказал мне, но девушка вернула ладонь на стол и замерла. Капитан посмотрел мне в глаза, в его взгляде не было ни маниакальной иступленности, ни раскаяния – взгляд совершенно спокойного, уравновешенного человека.

– Сейчас очень важный u#ber Funk... сеанс связи. С Атлантикой – это Gegenseite... другая сторона Земли.

Я не знал, что ответить. Молчание бы затянулось, но сзади раздались шаги и к нам протолкнулся еще один член экипажа – плотный круглолицый мужчина со шкиперской бородкой. Стало совсем тесно.

– Капитан, погрузка закончена.

Ван Страатен кивнул и представил нас друг другу. Бородач, Яков, оказался старшим помощником – ему и предстояло продолжить экскурсию. Капитан, потеряв ко мне интерес, снова переспросил у Марины:

– Не слышишь? Помогать?

Та затравленно покачала головой.

Мы со старпомом уже направлялись к выходу, но я обернулся и увидел, как капитан жестом приказал девушке поднять с палубы злосчастную трубу, а потом приглашающе отодвинул штору перед койкой. И еще я заметил цепь на лодыжке Марины и то, как она зачем-то вытерла поднятый патрубком полый своей рубахи.

– Каюта капитана рядом с боевым постом акустика-радиста, – прокомментировал Яков. – Не вставая с койки – в курсе всех событий.

И липко хохотнул. Мысли в моей голове противностью затмили тошнотный привкус во рту.

– Привыкай, – обнадежил Яков. – Откуда начнем осмотр, с кормы или передка?

Мне было все равно – хотелось побыстрее добраться до своей каюты. О том, что подышать свежим воздухом не получится, я уже догадался. Старпом оценил мой зеленый, во всех смыслах, вид и попытался обнадежить:

– Как нырнем – полегчает. Главное, чтобы Маринка быстрее связь наладила. Под водой же антенна не берет.

Мне раньше казалось, что подводные лодки погружаются только перед боем – запас хода у них ограничен емкостью аккумуляторов, – а все остальное время находятся на поверхности, идут на дизельных моторах. Старпом просветил:

– Наша «семерка»⁴ особенная. Не любит она поверхности. После того как она досталась от немецких «кригсмарине» Страннику, – под «Странником» я угадал Ван Страатена, – лодка научилась дышать на глубине.

– При помощи шноркелей?

Не то чтобы я особенно разбирался в субмаринах, но совсем недавно, помнится, читал про эти устройства, позволяющие дизелям работать даже при погруженной лодке. Революция в подводном деле.

– Нет, – улыбнулся старпом, – наша красотка дышит без всяких трубок и компрессоров. И при этом ныряет на добрую половину мили.

Кажется, предел для подводных лодок скромнее, метров двести-триста, но я не стремился разобраться в тонкостях или уличить старпома в хвастовстве; под водой – значит, под водой, и чем глубже, тем лучше, если при этом меньше качает. К тому же – вспомнился роман Жюль Верна – в глубоководных путешествиях определенно присутствовал некоторая торжественная романтика.

⁴ «Семерка» – тип VII – самая многочисленная серия подводных лодок в истории, выпускалась гитлеровской Германией в период Второй мировой войны.

А Яков, положившись на собственный вкус, уже притащил меня в нос лодки, в торпедный отсек.

– Вот они, пробирки с нашими живчиками, – похлопал старпом по аппаратам. – Торпедная атака – это как эякуляция, не находишь?

Фаллические фантазии старпома меня не впечатлили. Трубы торпедных аппаратов больше напоминали цилиндрические гробы. И это мне не нравилось. Мне вообще мало что здесь нравилось, особенно – пока не прекратилась качка. Быстрее бы Марина провела чертов сеанс.

– А это что? – указал я на сооружение, напоминающее пюпитр из обшарпанного стального листа на ржавой стойке, с грубо приваренными по периметру автоматными гильзами. В некоторых из них торчали свечные огарки.

Штуковина располагалась между торпедными аппаратами, а рядом, на полу, покоилась неровная стопка разномастных книг. На потертой обложке верхней значилось крупными буквами: «De vermis mysteriis». Моих медицинских познаний в латыни хватило, чтобы перевести название как «Мистерии Червя».

– Это, – Яков похлопал по стойке, – наш алтарь. Тут же фокусная точка, вся сила лодки. А по правде, в боевой рубке-то его и пристроить негде. Ты, кстати, кому поклоняешься?

Я пожал плечами:

– Никому.

– Что так? – удивился старпом.

Обсуждать мое отношение к религии не очень хотелось. Я вырос в православной русской семье, с обязательным соблюдением всех постов и таинств – догматичных, требующих слепого следования. А потом пришли Древние, и хотя в Харбине не случилось явлений воочию, адепты время от времени демонстрировали простоту, наглядность и эффективность поклонения Темным богам. Но меня лично больше всего поразило другое.

При всей своей неоспоримой реальности, Древние не пытались бороться за паству, безразличные к проблемам смертных, принимали в свои культы лишь тех, кто был усерден в стремлении. Большей частью, с медицинской точки зрения, такие люди производили впечатление психически неустойчивых. Отбросов и изгоев.

Выходило так – человечество, получив доказательства существования богов, убедилось и в том, что богам до человечества дела нет. Вера сменилась констатацией факта.

Мои родители еще искренне ходили в церковь. У меня – уже не получалось.

– Можно жить и без этого, – попытался я объяснить старпому свою позицию.

– Можно, – не стал спорить Яков. – Но как надумаешь, не робей, приходи. В любое время. У нас тут кому хотят, тому и молятся. Любым культам и ересям. Прежний доктор, помнится, с этой книжкой не расставался.

Старпом покопался в стопке, вытащил самый обыкновенный псалтырь и сунул мне. Я машинально взял. Тотчас весь корабль словно пронзила судорога, загудели, лязгая, невидимые механизмы, палуба накренилась под ногами.

Пытаясь восстановить равновесие, я оперся рукой в бок торпедного аппарата. Игра воображения или нет, но я явственно ощутил, как сквозь толстую сталь ладонь обожгло холодом и нечто словно толкнуло, царапнуло меня изнутри. Я отдернул руку, потерял опору и навалился всем телом на алтарь.

Яков поддержал меня за локоть:

– Оп! Маринка откровение приняла. На глубину уходим.

Корпус лодки дрожал и потрескивал словно скорлупа грецкого ореха, стиснутого в дверном косяке. Заложило уши; не знаю, прекратилась ли качка, но мое самочувствие только ухудшилось.

– Можно пройти в свою каюту? – с трудом выдавил я, будто это не переборки, а мои ребра трещали под прессом тысяч тонн воды.

– Свою каюту? – хохотнул старпом. – На лодке персональная каюта положена только командиру. Тебя ждет откидная койка в офицерском блоке – первом от носа, и это, скажу я тебе, отличное место. Команда располагается на корме, между дизельным отсеком, камбузом и центральным постом. Из-за постоянной толкотни и шума там вообще не продохнуть.

В тот момент я рад был и откидной койке, благо она оказалась сразу за шлюзом торпедного отсека. Отгородив себя занавеской от окружающего безумия, я впал в забытие.

Мне мерещилось, будто я, как библейский Иона, оказался в чреве Левиафана. Чудовище, тяжело дыша и скрежеща скелетом, медленно падало в темную бездну. Я оскальзывался в зловонной жиже его багровых внутренностей – или еще пищевода, или уже кишечника, – барахтался, не в силах сдвинуться с места.

Но в какое-то мгновение перспектива изменилась – и уже не я внутри, а сама мерзкая тварь погрузилась в глубины моего сознания. Двигая когтистыми щупальцами, шевеля покрытыми бородавками плавниками, растущей карциномой начала превращать в кашу мой мозг.

Наверное, от боли я закричал.

И очнулся.

Сразу не понял, где оказался. Узкое пространство, залитое красно-коричневым светом, навевало мысли о гробе. Пробил озноб. Я повел рукой, все еще сжимающей псалтырь, шевельнул занавеску и вздохнул с облегчением – лодка. Наполненная гулким поскрипыванием металла и затхлостью, немного перемежаемой какими-то химическими, ацетоновыми запахами и вонью солонины. Мысли о пище все еще были противны.

– Доктор, ты снова с нами? – Сопроводив возглас хлопком по плечу и заставив вздрогнуть, с нижней койки поднялся Яков. – Полегчало, нет? Капитан уже немножко *interesse*, – старпом весьма удачно спародировал акцент, – интересовался.

Меня сюда пригласили не для того, чтобы отлеживаться за шторкой – это я и сам понимал, – поэтому отложил псалтырь, спустился с койки и, бурча, заковылял вслед за старпомом.

– Он немец?

– Капитан? Голландец вроде. Но из прежней, немецкой команды, их на лодке всего двое осталось – он и гельминт.

– Кто-кто?

– Гельмут, наш механик.

– А остальные?

– Покинули, – отмахнулся Яков. – Кто где.

Странный факт – для подводной лодки.

– Я имел в виду – сейчас. Остальные – кто? Русские?

– Всекие. Но наших хватает. Странник раньше часто в Курилах плавал. Там много кого подобрали.

– И Марину?

Яков осекся, обернулся, посмотрел мне в глаза, словно пытаясь предугадать следующий вопрос:

– Нет. И не убивайся из-за девчонки. Так надо, доктор. Она иначе не может. А без ее откровений мы слепы, глухи и немы.

Откровения. Расспросить дальше я не успел – Яков попросил поторопиться. В знакомом тупичке почти ничего не изменилось – ссутулившаяся у аппаратуры Марина теперь

еще и сухо кашляла в мало похожую на носовой платок тряпку-ветошь. Кроме серых следов мазута на ветоши виднелись и пятна крови.

– Посмотрите, что с ней, – процедил Ван Страатен, не вставая с койки.

– Что угодно, – пробормотал я. – Пневмония или артериальное давление, а может – вы ей ребра сломали. Освободите место. Пожалуйста.

Капитан не спеша поднялся, демонстративно, как мне показалось, снял со стены портупею, повесил на пояс, извлек из кобуры «люгер», проверил магазин, вернул пистолет обратно и отошел в сторону. Я жестом попросил девушку пересест на капитанскую кровать, потом снять рубашку. После каждой моей просьбы она, дожидаясь разрешения, озиралась на стоящего за моей спиной Страатена.

Худое, изможденное тело, едва наметившаяся грудь, следы побоев – в основном зажившие. При каждом касании трубкой стетоскопа девушка сжималась словно перед ударом, и я слышал, как тревожно начинает биться ее сердце.

– Похоже, бронхит, – подвел я промежуточный итог. – Кровотечение носовое. Кашель вызывает скачки внутричерепного давления, оно компенсируется разрывами капилляров – из-за этого течет кровь.

– И как это лечить?

– Бронхит? Обильным горячим питьем, желательно молоком с медом, и постельным режимом, – капитан только хмыкнул в ответ, – но это, боюсь, не все. Если кашель провоцирует разрывы капилляров, значит – в нормальном состоянии внутричерепное давление уже выше нормы. Вдобавок... мне очень не нравятся ее глаза.

Я пренебрег истиной. Глаза, почти всегда скрытые засаленной челкой, оказались под стать голосу. Не знаю, можно ли так охарактеризовать взгляд, но у Марины он был грустно-мелодичный. И эта мелодия проникала мне в душу, отгоняя тяжелые мысли, смягчая симптомы морской болезни.

Но как врачу, тем более – неврологу, ее глаза мне и в самом деле не нравились. Правый зрачок намного превышал размеры левого, причем на изменение освещения оба реагировали неадекватно. Я попросил девушку лечь. Простучал колени, запястья, локти – везде по правой стороне наблюдалось повышение сухожильных рефлексов. Провел ногтями по ступням – тот же результат. Плохо. Я предложил перевернуться на живот и приспустить штаны. Марина снова посмотрела на Ван Страатена, пауза затянулась.

– Капитан, мне надо осмотреть ее позвоночник, – раздраженно бросил я через плечо.

Прошла еще минута, наконец он кивнул. Девушка, возбуждающе изогнувшись на койке, потянула пояс вниз. Под парусиновыми штанами никакой одежды больше не было. Почти всю правую – совпадение? – ягодицу занимала странная татуировка, выполненная, похоже, красными чернилами.

Формой она напоминала звезду Давида, но только отдаленно – шесть ее коротких лучей изгибались наподобие щупалец и оканчивались загнутыми когтями-крючьями. Внутреннее пространство фигуры заполнял узор из точек и волнистых линий, создающих иллюзию движения к центру. Рисунок затягивал внутрь, как вращающаяся спираль, и я задерживал на нем взгляд, пока капитан предупреждающе не кашлянул.

– Может, достаточно Massage... делать массаж? – уточнил Ван Страатен, когда я добрался до основания шеи.

Похоже, он спешил.

– Это не массаж, капитан, у вашей девушки серьезные невралгические нарушения – я ищу причину.

– Заканчивайте. Вы сказали, как лечить кашель, – мы постараемся sich an das Rezept... слушаться этого рецепта.

Я бегло прощупал семь позвонков шейного отдела – картина подтверждала мои опасения.

– Капитан, вам следует прекратить истязания, иначе...

Марина сидела ко мне вполоборота – Странник не видел ее лица. Губы девушки немо пошевелились, и я сумел прочесть сорвавшиеся с них слова: «Не говори ему». А потом девушка повернулась к Ван Страатену:

– Быстрее, герр капитан.

Странник выругался по-немецки и подтолкнул меня к выходу, заторопился, пошел рядом, потом обогнал.

Присутствие капитана меня нервировало – молчание напрягало, но и разговаривать желания не было. Почти дойдя до моей койки, капитан вдруг замедлил шаг, рассматривая потолок и прислушиваясь, я не успел остановиться и толкнул его в спину. Словно в ответ на это где-то сверху прозвучал удар, заставивший вздрогнуть весь корпус, а потом что-то, будто скрежеща когтями, процарапало лодку от носа до кормы. Я присел на корточки, и даже капитан, похоже, на мгновение втянул голову в плечи.

Впрочем, его замешательство длилось недолго – он почти бегом, насколько это возможно в узком проходе, бросился в торпедный отсек.

– Глубина, ее фокусы, – прокомментировал мой ошарашенный вид Яков.

Старпом так и лежал на нижней койке, задумчиво положив руки под голову.

– Но зачем так глубоко опускаться? – Я вытер выступившую на лбу испарину.

– Бездна – она как магнит. Чем глубже, тем больше Силы. И у нас с каждым разом все ниже получается.

– А обшивка выдержит?

– Обшивка... – Старпом накрыл ладонью правой руки сжатую в кулак левую: – Сверху – легкий корпус. Снизу – прочный. Внутри – мы. А знаешь, – Яков приподнял ладонь над кулаком, демонстрируя пространство между корпусами лодки, – знаешь, что посередине?

Я покачал головой – не знаю. Старпом резко ударил кулаком в ладонь:

– Вот и я – не знаю. Но до сих пор – выдерживала. Да не бойсь, сейчас Странник договорится.

– Как договорится? – Вероятно, присутствие капитана в торпедном отсеке что-то означало. – Да что вы все вообще здесь делаете?

– Не «вы», – поправил меня старпом, – а «мы». Служим, конечно. Каждый делает свою работу. Как там Маринка – всю осмотрел?

– Да.

– Ну и как она?

Мне не хотелось обсуждать проблемы девушки с кем бы то ни было прежде, чем с капитаном, но Яков жестом, имитирующим поглаживание женской груди, обозначил вектор своего интереса:

– Для единственной самки на корабле – хороша?

Захотелось дать ему в морду, но я – сам толком не понимая зачем – спросил:

– Что значит ее татуировка?

– Татуировка? – не сразу понял старпом. – А, ты про Знак? Ба, да тебе позволили лицезреть потаенные области! Говорила мне мама – учись на фельдшера! Это был Знак Врат Сакката, доктор. Самое то место для входа в логово Червя.

И, заржав, Яков звонко хлопнул себя по ягодице.

Шум, раздающийся снаружи, начал постепенно стихать. Удары и скрежет сменились постукиванием и едва уловимым шелестом, потом остался только мерный гул моторов, передающийся всему корпусу лодки. Может, источник предыдущих звуков тоже не столь зловещ,

как казалось, а все дело в акустических особенностях воды и невероятном внешнем давлении?

Старпом с видимым облегчением вздохнул:

– Теперь можно и перекусить. Пойдем, доктор?

Понятное дело – предложение не показалось мне заманчивым. Яков пообещал принести мне хотя бы чаю с лимоном и направился в сторону кормы, а я снова завалился на койку в надежде успокоиться. Вероятно, из-за морской болезни и обезвоживания, сознание оставалось спутанным. Или окружающее на самом деле балансирует на грани ирреальности, а встреченные члены команды – умопомешательства?

Я повертел перед глазами псалтырь – он валялся на скомканном одеяле, маня задолженными с детства ответами на все вопросы. Не похоже, что книгу часто читали: переплет был разношен только в одном месте, на двадцать первом псалме – шелестя страницами, псалтырь раскрывался здесь сам.

Пророческая Песнь Страданий Давида, за тысячелетие предсказавшая мучения Иисуса. Она даже начинается с тех же слов, которые прозвучали с креста: «Боже, Боже мой, для чего оставил Ты меня?»

Воскресная школа не прошла для меня даром.

Синим химическим карандашом предшественник-врач, или кто-то иной подчеркнул стихи: «Аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и унижение людей, яко ты еси исторгий мя из чрева, упование мое от сосцу матере моя».

И больше никаких пометок...

Лязгнув шлюзом, из торпедного блока выбрался, пошатываясь, Ван Страатен. Для лодки, с ее насквозь проходными отсеками, постоянное перемещение людей из стороны в сторону является нормой. Но меня отсутствие личной зоны раздражало. Неуютное сочетание: тесное, ограниченное пространство и невозможность уединиться, – наверное, это тоже должно накладывать определенный отпечаток на психику здесь присутствующих.

Да, к лодке надо привыкать.

Капитан выглядел хуже, чем обычно: еще более бледный, с пустым, бессмысленным взглядом. Я тоже отвел глаза, сделал вид, что листаю псалтырь.

– Ищите, кому geben sich teuer... отдать себя за дорогого? Напрасно.

Странник говорил сквозь зубы, к тому же акцент, и я подумал, что ослышался:

– Что?

Капитан небрежно ткнул пальцем в обложку псалтыря:

– Бог facettenreichen... имеет много граней, доктор. Неважно – кому молиться, надо раскрыть разум... отдать душу. Тогда в любом писании найдется след всякой из его hypostasen... ипостасей. Или – за душу боязно?

В чем-то он прав. Наличие бессмертной души, учитывая доказанный факт существования богов, тоже сомнениям не подвергалось. И отдавать ее с потрохами, без оглядки, кому ни попадя теперь не очень хотелось. А у богов приветствовался натуральный обмен – как оказалось, благотворительностью они не промышляли. Так лучше ничего ни у кого не просить и остаться при своем. Философия.

Раньше Ван Страатен виделся мне иначе, но уставший и несвойственно для себя многословный, сейчас Странник не воспринимался таким неприступным, и я решился:

– Капитан, девушка, Марина... видимо, тут считают откровениями то, что она видит во время приступов...

Ван Страатен как-то задумчиво кивнул, и мне ничего не оставалось, как сбивчиво продолжать:

– ...но это лишь воспаленный бред. Она больна, нарушено кровоснабжение мозга – шейный позвонок смещен вследствие травмы и передавливает артерии. Мозгу не хватает кислорода – у девушки предынсультное состояние...

Капитан не отвечал, но и не останавливал меня, и я шел вслед за ним, стараясь высказать за короткий промежуток как можно больше:

– ...предынсультное! Даже то, в какой позе она сидит, ссутулившись, провоцирует ишемические атаки, вы же усугубляете ее положение истязаниями. В любой момент может случиться обширное поражение тканей мозга, понимаете? Она станет растением или...

Мой лепет прервал серебристый голос Марины, раздающийся из ее угла. Говорила она быстро, невнятно, но сами звуки завораживали.

Приступ! Я попытался обогнать капитана, но в узких проходах лодки это оказалось непросто. Ван Страатен легко прижал меня – в глазах ни осталось ничего от недавней отрешенности:

– Уйдите прочь. Не надо вам слышать это *go#ttlich gesang*... божье пение. Я подумаю, что вы сказали.

И положил руку на кобуру. Дергаться расхотелось.

– *Schneller!* – поторопил капитан, а сам быстрыми шагами направился к посту акустика.

Марина сидела где обычно, только безвольно свесив руки и откинув вполоборота голову. Еще более бледная, с закатившимися глазами, посиневшими губами. Жалкая и страшная.

Я попятился, чувствуя себя предателем – и в отношении пациента, и своей профессии, – споткнулся, чуть не упал и побежал, цепляясь за какие-то стойки. За спиной журчащим ручьем изливался божественный речитатив Марины, время от времени становившийся понятным: можно было выделить числа и градусы похоже, обрывки координат.

Голова кружилась, с новой силой замутило. Нестерпимо хотелось позорно забиться в свой угол, закрыть глаза, заткнуть уши и вдыхать не носом, а ртом, как выброшенная на берег рыба... Потеряв ориентацию, я свернул к корме и ввалился в камбузный отсек.

Сидящий за столом Яков поднял голову и улыбнулся – в его бороде копошились белые черви. Отчего-то это воспринялось почти нормальным.

– Решил, доктор, сам за чаем наведаться? – рассмеялся старпом.

Присмотревшись, я вздохнул с облегчением – червями почудились несколько запутавшихся в волосах тонких вермишелей. Но даже такое открытие не побудило желания почивничать.

– Спасибо, нет. – Я попытался развернуться.

Не уверен, сильно ли качало лодку на глубине, – меня шатало ощутимо. К тому же ацетоновый запах, пропитавший всю лодку, здесь ощущался сильнее. Лучше передавалась вибрация дизельных моторов, сопровождающаяся металлическим перестуком. Как молотками по наковальням моих перепонок. Я сжал ладонями виски.

– Что там? – встрепнулся Яков, указывая в сторону центрального поста.

Наверное, я выглядел еще хуже, чем обычно.

– Марина...

– Поет? – Старпом захлопнул за мной дверь и вдобавок повернул рычаги кремальерных затворов. – Побудь-ка с нами, доктор, познакомься с командой.

Я послушно уселся на лавку и осмотрелся по сторонам. Глаза уже привыкли к коричневатому полумраку лодки, и я без труда рассмотрел лица на противоположной стороне длинного стола: хмурые, неопрятно бородатые, бледные и отрешенные – команда соответствовала настроению, навеваемому их кораблем. Народу было не много, человек десять – стол

явно рассчитывался на большее количество матросов. Кто-то жевал, кто-то перебрасывался в карты, пару человек безразлично мне кивнули. Представить мне команду поименно Яков не удосужился. Он подцепил из тарелки извивающийся комок макарон и продолжил начатую еще до моего прихода беседу:

– Через Панаму, иначе в Атлантический Анклав не успеем.

– Никто нас в канал не пустить, – мрачно отозвался один из матросов. – Там есть шльыузы...

Очень тяжелая, хрипая, с придыханием, речь. Искаженная к тому же акцентом и почти истеричными нотками. Вероятно, это второй член «немецкой» команды – механик Гельмут. Он и в самом деле оказался тощим и длинным как глист. Старпом, плотоядно хлюпнув, втянул в себя вермишель и провел освободившейся вилкой в воздухе, словно подныривал, или пытался подцепить нечто на ее зубцы.

– Под. Сначала – личинку, за ней Странник сам пойдет.

– Насквозь? Это тебе не есть осеменять острова.

– Материк – тоже остров. Только большой. Оттрахаем. К тому же – всего Панама, лишь перешеек. Меньше сотни верст. Как Хальмахера – помнишь?

Что-то я и сам припоминал про этот малазийский остров с не очень благозвучным для русского, а оттого запоминающимся, названием. Что-то из газет, с крупными заголовками.

Механик покачал головой:

– Плыть под землю есть безумие...

– Оксюморон, – блеснул эрудицией Яков. – Когда-нибудь надо начинать.

– Нет, – выдохнул Гельмут. – Я больше не мочь. Не мочь слушать этот...

Он сбивчиво перешел на немецкий, болезненно закашлялся, обхватил, совсем как я недавно, руками голову и, не прекращая взволнованно болботать на своем, бросился в сторону моторного отсека. Остальные матросы безмолвно подались в стороны, пропуская механика.

Яков снова принялся орудовать вилкой в тарелке, цыкнул зубом:

– Вот так и живем: один – с сиреной, второй – с мотором.

В ответ пару человек сдержанно хохотнули. Я решительно поднялся и пошел вслед за Гельмутом – очевидно, что механик был болен.

– Не спеши, доктор, – окликнул старпом, – там Гельминта и без тебя отпустит.

Но я не слушал. Странно, но как раз сейчас сам я чувствовал себя несколько легче.

Машинное отделение встретило меня дробным лязгом клапанов и басовитым рокотом. Два двигателя, расположенных вдоль бортов лодки, воспринимались адскими машинами. Все вокруг мельтешило и двигалось, не оставляя возможности сосредоточиться на деталях. Стекающее по механизмам масло в уже привычном для лодки недоосвещении больше походило на тягучую кровь, чем на смазку. Свободное пространство было опутано патрубками – впускные и выпускные коллекторы пульсировали в унисон тактам моторов, продавливая сквозь себя неведомое содержимое.

Патрубки – разные: длинные, короткие, толстые, тонкие – выглядели инородными среди веющего жаром металла. Вспомнились слова Якова об «умении» лодки «дышать» на глубине – видимо, топливопроводы и система выпуска отработавших газов здесь кустарно переделывались. По крайней мере, материал имел сходство не с резиной, а с махрящейся, пропитанной жиром необработанной кожей, перемеженной гофрированными вставками то ли из коровьих глоток, то ли из осклизших противопогазных шлангов.

Сочленения были выполнены неряшливо, даже безобразно; облепленные сочащейся наростообразной массой, они вызывали отвращение. Все вместе, в неровном освещении, создавало впечатление какого-то гротескно живого организма. Толстые жгуты этих «дыша-

щих» артерий уходили в стенку кормовой переборки, а возле ее шлюза, баррикадируя проход, валялся матрац, нагруженный одеялами и скрюченным телом механика Гельмута. Хозяйина этого места.

Я склонился над ним – механик пребывал в полуобморочном состоянии. Вокруг пахло невымытым телом, и я не сразу понял, что резкий прокисший запах распространяется не от Гельмута. Дышалось вообще тяжело – атмосфере не хватало кислорода.

Пока я осматривал механика, он не прекращал нашептывать что-то на немецком, разбавляя его русскими ругательствами. Я к словам не прислушивался – воспаленные веки, изъязвленные губы и гортань, одышка, влажные хрипы в легких говорили сами за себя. Мои глаза тоже начали слезиться, а в горле запершило.

– Вам надо уйти отсюда! – попытался я привести в чувство Гельмута, дал наштавырь, хоть в его случае он мог вызвать дополнительное раздражение слизистых. – Немедленно!

Он попытался сфокусироваться на мне:

– Найн! Здесь... тихо.

Вокруг лязгало и рокотало, и, чтобы понять Гельмута, приходилось напрягать слух – странное понимание тишины. Я потянул его за предплечье, но механик отдернул руку:

– Иди сам. Ты здесь – ради нее. Здесь все – ради нее. Ради суки. Будь проклят тот день, когда она пришла на зов Странника...

Он вновь закашлялся – булькаяюще, отхаркивая кровь и зеленоватую мокроту. Я попытался хотя бы отодвинуть Гельмута от двери – кислотный запах исходил именно оттуда, – но механик принялся отбиваться.

Оставлять его тут было нельзя – я бросился обратно в жилой отсек за помощью.

Обстановка там не изменилась – матросы продолжали расслабленно ничего не делать, но, быть может, выглядели при этом чуть более блаженными, чем раньше. И старпом наконец покончил с макаронами.

Вдохнув свежего по сравнению с моторным отделением воздуха, я и сам испытал подобие эйфории. Нужно было действовать.

– Яков, надо срочно вытаскивать механика!

Я встряхнул старпома, выводя из полудремы.

– Отстань, доктор. Здесь каждый на своем месте... согласно расписанию. Каждый делает свое дело.

– Какое, к чертям собачьим, дело? В дизельном отсеке – очаг химического поражения. Что там у вас за дальним шлюзом?

– Последний отсек. Раньше были электродвигатели и аккумуляторная. Только, доктор, не надо тебе туда.

– Почему?

– Нельзя. Туда никому нельзя. Сядь отдохни. – Яков расслабленно уронил руку на скамью.

Фрагменты картинки становились на свои места. Не знаю, что за секретную систему для работы дизельных двигателей под водой они здесь изобрели, но работала она явно не так, как надо. Вдобавок – необслуживаемые аккумуляторы. Только объяснять это Якову было бессмысленно. Быть может, хотя бы у капитана осталась толика здравого смысла? Хотя бы толика!

Я дернул рукоятки затворов, открыл шлюз и, не обращая внимания на предостерегающий возглас старпома, бросился в командный отсек. Казалось, свет ударил мне в глаза, адреналин придал сил – видимо, качка действительно прекратилась, и морская болезнь отпустила окончательно. Если бы мне сказали, что у меня за спиной выросли крылья, я бы не удивился.

Марина пела. Как вода кристального родника, срывающаяся с горного пика. Как бриз над пенящимися вершушками волн. Как листва пальм на берегах лазурных лагун. Но едва уловимое пение прерывалось ритмичными звуками ударов.

Ван Страатен хлестал девушку португеей – монотонно и размеренно, словно колот дрова. Я развернул его на себя:

– Капитан, прекратите! Она больной человек, я вам уже объяснял! Еще один больной – в моторном отсеке! Гельмут, у него отек легких, отравление парами аккумуляторной кислоты. Это только начало. Кашель Марины, скорее всего, по этой же причине. И это не самое страшное – главную опасность представляет выхлопная система наших дизелей. Как врач заявляю – корабль интоксцирован! Немедленное всплытие, проветривание отсеков, очистка электродвигательного отделения...

Марина за спиной капитана всхлипнула.

– Уйдите прочь, – спокойно ответил Ван Страатен, – вон отсюда, – и толкнул меня в грудь.

Я запнулся – в этой лодке постоянно за что-то цепляешься, – задел на столе какие-то железки и упал навзничь, а капитан снова занес ремень над девушкой. Пелена окончательно спала с глаз – передо мной обычный маньяк, капитан отравленной команды. Еще один больной, подавивший своей волей кучку несчастных. Я с удивлением обнаружил возле своей ладони кобуру – вероятно, Ван Страатен, прежде чем начать истязания, снял ее с португеи и положил на стол, а я сгреб, падая. Капитан, или сама Судьба, не оставлял мне выбора.

Не задумываясь, что могу попасть в Марину, я выхватил «люгер» и трижды выстрелил в ее мучителя. В пространстве лодки выстрелы прозвучали подобно взрывам вселенных.

Никогда до этого не убивал людей. Оказывается – это просто. Я отбросил пистолет и подошел к Марине. Широко раскрытые глаза, приоткрытый рот, прижатые к груди ладони. Она больше не пела, только как затравленный зверек смотрела на меня снизу вверх. Какая же она маленькая и хрупкая. Я обнял девушку, прижал к себе, погладил по волосам:

– Все, Марина, все.

Она облегченно выдохнула, положила ладони мне на плечи. Я вдруг почувствовал себя героем приключенческих романов Рафаэля Саббатини – повергнувший злодея капитана, на палубе захваченного корабля, сжимающий в объятиях спасенную красавицу.

Звякнула цепочка, сковывавшая лодыжку девушки. Марина прижала колено к моей пояснице, подтянулась, наши лица оказались на одной линии. Ее глаза – один зрачок больше, другой меньше – запульсировали перед моими глазами.

– Марина...

Я не понял, как соскользнули мои брюки, – тело девушки обжигало, словно она была солнцем, единственным ярким источником в унылом, мрачном тоннеле лодки. И я вошел, отдавая Марине всего себя.

Левиафан плывет во тьме, преисполненный немигающих глаз.

Матово поблескивает бугристая, будто пораженная опухолью кожа.

Лениво шевелятся щупальца, беспорядочно вырастающие из плоти.

И стальным горбом на его спине вздымается боевая рубка с выдвинутыми трубами перископов.

И едва вращаются покрытые ракушками гребные винты.

И трубки, многочисленные провода и капельницы тянутся к моему сердцу, к моему мозгу, к моему члену.

А Левиафан погружается, следует к одному ему известной цели.

К абсолютно черному, еще более непроницаемому, чем тьма вокруг, зеву пещеры.

И проникает, как бахрамющийся фаллос, в ее разверстое нутро...

Напуганный неожиданными видениями, я попытался отстраниться, но Марина плотно охватила меня ногами, прижала к себе, выдавливая, в этом молниеносном совокуплении, до последней капли.

Потом она рассмеялась.

Звонко, радостно, торжествующе. Я попятился, как сопливый мальчишка, путаясь в своих портках. Будто она смеялась надо мной. По крайней мере, сам я испытал смятение. Марина откинулась на своем стуле, и теперь трудно было понять – смеется она все еще или уже плачет. А я все смотрел на цепь вокруг щиколотки, зачем-то прикидывая ее длину, и пятился, пятился, пятился... уперся спиной в одну перегородку, повернул, уперся в другую.

Бравый победитель ретировался с поля битвы, поджав хвост, словно только что изведаль величайшее в своей судьбе поражение.

На этот раз я не ошибся с направлением – свернул к торпедному отсеку, и через мгновение уже стоял у алтаря. Яков говорил – если что, приходи, здесь слышат любые молитвы.

А мне очень хотелось молиться.

Только правильные слова не шли на ум.

Как бы понадобился сейчас псалтырь, валяющийся у меня на койке.

Но уйти было страшно, банально страшно – невероятным образом алтарь, ржавый стальной лист с наваренными по периметру гильзами, вселял спокойствие. Я вспомнил про стопку книг и наклонился, выискивая среди корешков знакомые названия.

Если богам не нужны люди, это не значит, что людям нет нужды в богах?

А мне необходимо просто расслабиться, прийти в себя и начать спасать лодку. Одно или два добрых слова. К сожалению, перечень христианской литературы в подалтарной «библиотеке» ограничивался моим, отсутствующим теперь, псалтырем. Из знакомых Писаний мне встретился только Коран – все остальные книги, в новых обложках, относились к более древним культам.

Ну что ж, Коран тоже источник духовной мудрости, я открыл его наугад в поисках успокоения. А он открылся там, где открылся.

Знакомый синий химический карандаш – говорят, линии, нанесенные им, невозможно смыть водой. Очень актуально для подводников. Сура семьдесят пять, Аль-Кийяма, «Воскрешение». Ее стихи тоже заинтересовали моего предшественника?

*Как человек, что источился каплей спермы
И стал затем червеобразной тварью,
Из коей Господь мог и сотворить и соизмерить,
Его – по образу в подобии своем...*

Я захлопнул книгу – при желании, в любом Писании можно найти все, что угодно. Особенно если задаться целью убедить себя, что какая-то нечеловеческая грань Бога пытается обратить нас в первозданное состояние и перетворить по своим меркам.

Позади меня лязгнул шлюз, я не стал оборачиваться – по звукам было слышно, что там больше чем один человек. Вдобавок – кого-то волочили.

– Доктор, ты исхитрился все испортить.

– Яков, я понимаю, что убийство капитана – плохое решение. Но так получилось. На лодке не все ладно. Надо всплывать.

Старпом вздохнул:

– Не все ладно? Думаешь, это можно объяснить простыми словами?

– Да. Система выпуска отработанных газов работает не так, как хотелось бы. У нас всех легкая степень отравления оксидом углерода, угарным газом. Отсюда воздействие на

психику, массовые галлюцинации, бредовые идеи. Аккумуляторы в электродвигательном отсеке повреждены. Там утечка серной кислоты. Дайте команду на всплытие. Срочно.

– Нет никакой утечки. Я бы отвел тебя в последний отсек, доктор. Но это ничего не изменит. И всплыть не так легко, как тебе кажется. Только девка может ладить со Странником. И только Ван мог ладить с девкой...

Я полуобернулся, не убирая руки с алтаря. Кроме Якова здесь оказались еще трое матросов. И труп капитана у их ног.

– Разве Ван Страатен не Странник?

– Нет, конечно. Странник – это то, чем стала лодка после Экспедиции. Той самой, арктической. В тридцать девятом году. Она была в конвое.

– Что вы с ним размусливаете, господин старший помощник? – рыкнул один из провожатых Якова. – Отрежем ему яйца – и пускай сам управляется с этой сучкой!

– Если бы все было так просто... – В словах старпома зазвучал металл, которого я не слышал прежде. – А, доктор... сможешь сам себя скопировать? Ван когда-то смог. Но он знал, на что идет. К тому же... ты ведь не удержался, да?

Поняв, о чем он, я кивнул.

– Если бы ты додумался сделать это сзади – все еще можно было изменить. Не додумался?

Я молчал.

– Понравилось хоть?

– Нет...

По знаку старпома матросы подтащили труп Ван Страатена к торпедному аппарату, открыли люк и начали заталкивать тело в трубу.

– Это девка в тебя кончила, доктор, а не ты в нее.

Обмякшее тело капитана никак не поддавалось – матросы беззлобно поругивались.

– Хочешь сказать, она не человек?

– Ты сам ее осматривал. Я не доктор. Человек, наверное. Или сирена. Или глубинная полукровка. Разве это теперь важно?

Наконец Ван Страатен оказался внутри аппарата – как в топке крематория. Яков вздохнул:

– Твоя очередь, доктор.

Я пытался сопротивляться, но матросы несколько раз двинули меня по ребрам, оторвали от алтаря и скрутили руки. Запихивая рядом с капитаном, приложили головой о стенку трубы.

– Ничего личного – мало кто захотел бы быть рядом, когда ты начнешь меняться. На первое время у тебя будет что пожирать, – старпом кивнул на труп, к которому я был прижат в трубе. – А мы попытаемся договориться с Гельминтом. Рассказывали, что, пока не было сучки, он худо-бедно находил общий язык со Странником.

Я что-то кричал, требуя воззвать к разуму, но меня никто не слушал. Закрывая люк, один из матросов усмехнулся – мол, теперь два доктора рядом, как в аптечке. И я вспомнил, как обожгло меня касание соседнего торпедного аппарата. Кажется, это случилось целую жизнь назад.

– Все там будем, – отрезал Яков.

Свет померк. Остался только скрип закручивающихся винтов. И что-то слабо мерцало в изголовье. Я повернул голову, изгибаясь как червь, – на внешнем шлюзе аппарата, словно нарисованная кровью, манила внутрь себя извивающаяся звезда Саккарта.

Хальмахера. Я вспомнил, что писали в газетных передовицах, о том, как неведомые твари являются из-под земли и сама почва начинает родить нечто невообразимое. А сколько

подобных безымянных, никому не известных островов в Курильской гряде, осемененных новой жизнью?

Господи, как я хочу на землю. На Твердь. Пережевывать питательный грунт Панамского перешейка. Пусть так.

Мои руки были связаны за спиной, и я мог только скрести ногтями по стальному корпусу аппарата.

Боже, Боже мой, зачем оставил Ты меня?

Или нет?!

Йайн, темные Владыки Саккарта, Йайн!

* * *

Мои соотечественники: эмигранты, политические и религиозные беженцы – не оставляют меня вниманием. Весточки с Родины, из ее переломного прошлого и темного настоящего, приходят регулярно.

Пишут городские жители и новая сельская интеллигенция, профессура, школьные учителя, потерявшие ориентиры, потому что учебная программа вдруг разом устарела, и священники-растриги, которым стало некого окормлять. Краскомы революционной армии, присягнувшие новым владыкам, получили за свою изменчивую верность земельные наделы, но и в отставке продолжают мучиться правильностью выбора.

Но вот солдаты не писали никогда. Возможно, просто не знали обо мне или не хотели делиться сокровенным. Именно по ним, по их душам прошла линия водораздела, когда идеология трижды менялась прямо у них на глазах. И последняя, вместе со словом и страхом, весьма наглядно смогла показать, что будет с отступниками и предателями. И даже повседневные дела новых хозяев лемехом гигантского плуга перепахивали тысячи жизней и судеб. И не всегда смерть оказывалась наихудшим выбором.

Бойцы не писали скромному исследователю в Мискатоник, но все же у меня есть одно письмо о солдате. Интересно было бы узнать, кто его автор: поздний ли исследователь-фольклорист или просто путешественник, наткнувшийся на вымершую деревню. Слишком складный слог для простых крестьян, да и, скорее всего, давно уже не осталось свидетелей правды о том солдате, пришедшем с незначенитой снежной войны.

Армия Маннергейма Михаил Кликин

ЧТО ТАМ?!

Хозяева умолкают, лица делаются похожими на восковые маски, глаза – на стеклянные пуговицы. Старик медленно поднимает палец к губам: «Тс-с», – но все молчат и так, напряженно вслушиваются в тишину.

Двери заперты на три замка. Ставни закрыты и заколочены. Печная труба перекрыта вьюшками. Под полом все продухи заложены. Никому не пробраться в дом.

Однако хозяева не чувствуют себя в безопасности. Страх не дает людям спать, и они собрались здесь вместе: восемь человек, три поколения – большая семья. Напуганы все – и дед, вцепившийся в берданку, и неслышно молящаяся старуха, и обнимающий сына отец, и беззвучно плачущая мать.

Они знают – пришла их очередь. Они чувствуют – смерть рядом. Может быть, этой ночью, может, следующей брякнет что-то на крыльце, или стукнет на крыше, или хлопнет по наличнику – и уже на рассвете их станет на одного человека меньше...

ЧТО ТАМ?! Мыши возятся? Жук стену точит? Лягушка в подполье голос пробует?

Или это смерть подошла к их дому?..

Рано утром, когда запертые в курятниках петухи только пробовали голос, в деревне появился чужак. На нем были серые от пыли галифе, побитые яловые сапоги и поношенная шинель без каких-либо знаков различия. Мятый картуз, если не приглядываться, можно было принять за форменную фуражку без кокарды, а выправка и шаг чужака выдавали, что это настоящий солдат, а не простой бродяга в военной одежде.

Остановившись у колодца, солдат из-под руки оглядел окна, в которых уже горели отсветы солнца, встающего из-за низкой полосы облаков, крикнул и скинул с плеч на землю тяжелый мешок.

– Эх, мать, – сказал он негромко и взялся за тяжеленную бадью, стоящую на колодезной лавочке.

Массивный ворот скрипел долго – вода была глубоко. А пил солдат еще дольше – присосался к воде и не отрывался, хлюпал словно поросенок, пузыри пускал. Потом умылся из той же бадьи, бритую голову намочил. И опять огляделся.

Петухи пели, а людей видно не было.

– Эх, мать, – совсем тихо сказал солдат и, выплеснув воду в канаву, подхватил мешок.

Из-за кустов сирени вдруг выкатилась колченогая собачонка, зашлась лаем, но чужак как-то особенно цыкнул на нее, и она сразу притихла, поджала хвост и, сев в придорожную пыль, принялась выкусывать блох, издавая уважительно поглядывая в сторону идущего по деревне гостя. А тот словно бы гулял не спеша: осмотрел бывший купеческий дом, заглянул в мертвые окна брошенной, сползающей в овраг избенки, постоял у сохнущего палисадника, к огородам прошелся. Потом, видимо, выбрал избу – невысокую, крепкую, с двумя печными трубами, с холодным приделком и широким двором. Взошел на крыльцо, ударил в дверь кулаком – звук был, словно дерево о дерево стукнуло.

– Спите, хозяева?!

Открывать ему не спешили. Однако и он уходить не собирался – стоял, ждал, слыша тихую возню за дверью, замечая движение за резными ставнями.

Дождался.

– Чего надо? – недобро спросили его.

Он поглядел на дверь, чувствуя взгляд хозяина, по голосу угадывая возраст.

– Работу ищу, отец.

– Нет тут тебе работы. Уходи.

– А верно ли нет? Ты бы спросил, что я умею.

– Не нужно нам ничего. Иди уж.

– А не пойду. Два дня не жрамши, голодное брюхо велит тут остаться.

– Уноси свое брюхо, пока цело.

– Не пугай зря, отец. Пуганые мы – и я, и брюхо мое. Ты мне скажи лучше, что за страх в вашей деревне. Почему петухи поют, а дворы запертые стоят? Почему шавка всего одна, да и та где-то ховалась? Почему ты дверью от гостя отгородился, на крыльцо не выходишь?..

Ответа не было долго.

Наконец брякнул крючок, стукнул засов, скрипнул замок – дверь приоткрылась.

– Экий ты... Настырный...

Из дома выглянул седой дед с берданкой на руках, сощурился, глазами к белому свету привыкая. Спросил:

– Солдат, что ли?

– Было дело, – кивнул гость. – Но могу и плотничать, и слесарничать, пахать, копать, косить.

– Уходи, солдат, – перебил дед. – Уходи ты из нашей деревни, беги подальше и не оглядывайся. У нас, кто мог, все ушли. Побросали хозяйство, сбежали.

– А вы чего остались?

– А некуда нам бежать, разве только в чистое поле или в лес – но там еще страшней.

– И от чего бежите?

– От смерти, солдат.

– Так ведь от нее не убежишь... Ты бы пустил меня в дом, отец. О беде вашей рассказал бы. Глядишь, и придумали бы чего...

– Пусти его, батя, – шагнув из темных сеней, сказал изможденный мужчина. Из-за его плеча выглядывала заплаканная женщина. За подол ее платья держались двое детей – мальчик и девочка, погодки.

– Некуда, значит, вам идти, – тихо сказал солдат и покачал головой. – Эх, мать...

Блюдо вареной картошки с постным маслом, резаный кольцами лук, пареная морковь, ломоть хлеба и домашний квас из подполья – вот и все угощение.

Собравшаяся у стола семья смотрела, как трапезничает солдат – словно службу служит: всякое движение точное, каждый столовый инструмент при деле и на месте, ни крошки мимо рта не упадет, ни капли не капнет.

– Ну и что тут у вас творится? – спросил гость, управившись с половиной трапезы и ко второй половине примеряясь.

– Упырь у нас бродит, вот чего, – сказал, хмуясь, дед.

– Понятное дело, – кивнул солдат, ничуть не удивившись ответу. – А как зовут-то его?

– Кого? – не понял хозяин.

– Упыря, конечно. Жил, небось, у вас в деревне мужичок тихий да одинокий и помер незаметно. Вы хоронить его собрались, может, и закопали уже, как вдруг гроза случилась, после которой покойник и пропал. Так?

– Так, – кивнул дед, недоверчиво слушая солдата и словно какую подлость от него ожидая.

– А потом этот мужичок стал к вам приходиться и в избы стучать. Так?

– Так!

– В чью избу постучит, там покойник. По всей деревне прошел. От дома к дому. Теперь вот ваша очередь.

– Откуда знаешь, солдат? – Дед медленно встал, за берданкой потянулся.
– Так понятное дело, – спокойно повторил солдат. – Кладбище ваше видел, могилы свежие. Пока сюда шел, по сторонам глядел, кумекал.
– А как нам от напасти этой спастись, знаешь?
– Убить упыря, да и дело с концом... – Солдат положил в рот последние крохи, встал, за котомку свою взялся. – Ну так что, добрые люди, – найдется ли для меня работа?

Времени у них оставалось не много: день да вечер – так сказал солдат. Он никуда не ушел – не отпустили его, но и за дело взяться не позволили: дед велел обождать, чтобы все обговорить с соседями. Уж две делегации приходили, смотрели на чужого гостя, расположившегося в горнице.

– А ну обманет? – опасался дед Андрей, три дня тому назад схоронивший среднего сына и теперь отчего-то думавший, что остальных его родственников упырь не тронет.

– А плата какая? – волновалась молодуха Анна Шаманова. – Чего он взамен-то хочет?

Плату солдат запросил скромную: пятую часть серебра и золота от того, что есть во всей деревне. А много ли в деревне ценного металла? Ну крестики у кого-то припрятаны, ну старые монеты кто-то сберег, ну помещичья посуда в чьем-то хозяйстве сохранилась. Поди попробуй все учти! Не станет же солдат в каждый двор ходить, в каждом доме шариться, подсчитывая, что ему недодали.

– Ну вот положу я ему подстаканник, – шептал дед, провожая гостей к воротам. – Ну пару золоченых окладов снимем. Наберем, чай, нужную часть...

Утро кончилось – кончились и совещания. Пришла в горницу делегация – сразу тесно стало, душно; в доме яблоку негде упасть.

– Ладно, солдат, – сказал дед, – есть у нас для тебя работа. И плату соберем.

– Глядите не обманите, – погрозил пальцем солдат – в шутку ли, взаправду ли. – А то бы хуже не вышло. Я ведь золото не для себя собираю. Должок на мне большой – вот и приходится по деревням бродить.

К обеду порешили все остальное – и золото нашли, и серебро, показали солдату, а потом спрятали от него клад под печку: сначала, мол, работа, потом оплата (подстаканник серебряный, оклад золотой, подсвечник, две барские ложки, сережка и тонкая цепочка).

– Помощь нужна какая? – спросил дед, готовый, если надо, свою берданку отдать.

– Не нужно, – ответил солдат. – Сам все сделаю. Вы только не мешайте.

Весь день просидел солдат в чулане: точил что-то, строгал, постукивал. Старик пару раз заглядывал к нему, звал к столу, да и уходил, не дождавшись ответа.

К вечеру работа была закончена. Выволок солдат из каморки тяжелое чучело, посадил его перед дверью, березовые руки на липовых коленях пристроил, резное лицо к окну поворотил, соломенные волосы пригладил – в сумерках и не разглядишь, что в сених не человек сидит, а деревянный болван.

– Зачем это? – недоверчиво спросил старик, оглядывая жуткое чучело, стерегущее вход.

– Положено так, – ответил солдат. – Теперь его оживить надо.

– Оживить? – ужаснулся дед.

– Ну, как бы... Сердце ему нужно... Принесите петуха!

За птицей отправили женщину. Вернулась она через несколько минут, принесла не петуха, а курицу, зажав ее подмышкой. Осиновая колода, что заменяла болвану туловище, была продолблена насквозь – вот в эту дыру солдат и сунул одуревшую от страха несущку, а чтобы та не выбралась, обернул колоду холстиной и обвязал веревкой.

– Уж не колдун ли ты? – спросил дед, мрачно глядя на манипуляции гостя.

– Может, и колдун, – пожал тот плечами. – Поди теперь разбери – время-то странное, непонятное.

– И где ты всему этому выучился?

– А на войне и выучился.

– Это на какой же?

– Просто так спрашиваешь? – нахмурился солдат. – Или на самом деле знать хочешь?

Что-то нехорошее мелькнуло в его взгляде, недоброе, страшное. Старик испугался, отвел глаза.

– Мы уже прорвали оборону и шли на Выборг, – сказал солдат, – как вдруг вокруг мертвецы начали вставать. Все солдаты, которых мы убили, поднялись и набросились на нас, только теперь пули им были нипочем. И те наши, кто погибал, тоже вставали и дрались уже на их стороне. Эх, мать, ну и страху мы тогда натерпелись! Драпали так, что штаны теряли. Из боя ушли, думали, выжили. А вот хрен! Чертовы финны! У них в каждой деревеньке, в каждом хуторке мертвецы прятались. Я два года выбирался из тех мест – и сам сейчас не верю, что выбрался. Два года я жил среди мертвецов! Проклятый Маннергейм превратил половину своей страны в ад, лишь бы она не досталась Советам... Говорят, он плохо кончил – сошел с ума и превратился в какую-то морскую тварь, скользкую, как сопля. А его мертвецы так и служат ему – и тем, кто его таким сделал... Эх, мать...

Старик мало что понял из сказанного, но выяснять побоялся.

– Я видел это много раз в финских деревнях и на границе, – продолжал солдат, глядя в окно и качая головой. – Сначала всегда появляется один мертвец из местных. Его называют вербовщиком – он ходит от дома к дому и несет смерть. Если его не остановить, он отправит на кладбище всю деревню. А потом появляется другой мертвец – его зовут поводырем...

– Прекрати это, – прошептал старик, закрывая ладонями уши. – Прошу – прекрати...

Ночью солдат вышел на улицу, глянул на звездное небо, прислушался и сразу определил, откуда ждать страшного гостя, – в северной стороне такая тишь стояла, что казалось, будто нет там ничего: ни бессонных пичуг, ни травы с деревьями, ни насекомых – только черный бездонный провал прямо в звездный космос, в вечный безмолвный вакуум, в другой мир.

– Эх, мать, – выдохнул солдат и поежился.

Он вернулся в дом, оставив дверь открытой. Заглянул в комнату, где на печи и полатах спрятались хозяева – все восемь человек. Задул лампадку, отвернул к стене икону, тихо перешел в сени, где сидел деревянный болван с живым куриным сердцем внутри, и начал доставать из торбы странные предметы: камень, похожий на череп, изогнутый медный нож, костяной рог, железный крюк. Разложив все свое имущество, солдат куском мела нарисовал какие-то знаки на стенах, начертил рассыпающей головешкой несколько символов на пороге и опустился на колени перед самым входом. В правой руке он держал нож, в левой – крюк.

Солдат был совершенно спокоен – дело свое он знал хорошо, а смерти давно не боялся.

У него еще оставалось немного времени – он чувствовал это. Вербовщик сейчас был далеко – прятался где-то на окраине, в какой-нибудь сырой яме, или на илистом дне пруда, или даже в болоте, где полно пиявок, лягушек и червей. Вербовщик набирался силы – той непонятной чужеродной силы, что возвращала к жизни покойников и убивала живых.

– Николай, – тихо позвал солдат и взял в руки маленький бубен, испещренный узорами – возможно, письменами на нечеловеческом языке.

Он почувствовал, что где-то в северной стороне словно вздрогнуло что-то – холодное, скользкое и мертвое.

– Николай, – повторил солдат чуть громче и один раз ударил пальцами по сухой натянутой коже. – Иди к нам. Иди сюда.

Тишина давила на уши. Темнота обжигала глаза.

Время еще оставалось – минута, две или три. Пока можно было сбежать, покинуть этот дом, эту деревню – вербовщик не уйдет отсюда, он будет преследовать только тех, кого знал при жизни лично.

– Я жду тебя, Николай, – сказал солдат, и ему показалось, что он слышит ответ.

Где-то там, на севере, в бездонной тишине родился странный звук: то ли вздох, то ли всхлип, – это мертвый вербовщик Николай наконец-то выбрался из своего убежища и направился на зов.

– Ну вот и хорошо, – сказал солдат.

Он открыл дверь пошире и подпер ее осиновым дрыном.

В избе было жарко, но людей, спрятавшихся на печи и полатах, бил озноб. Шутка ли – знать, что все двери для смерти сейчас открыты, все засовы сняты-откинuty. И надежда только на безвестного дезертира, который и имени-то своего не назвал, а лишь пугал всякими небылицами.

Щелкал маятник ходиков.

Цвиркал под печкой сверчок.

Потом птица в окошко стукнула – и все стихло, даже часы встали.

Дед вцепился в берданку, выглянул с полатей из-за корзин и тут же назад спрятался – в избе темень, хоть глаз выколи!

Но только... Чу!.. Что это?

Будто вздох.

Или всхлип.

Прямо под окном с северной стороны.

И шаг – редкий, тяжелый, будто не ноги, а дубовые колоды по земле ступают.

Застонало крыльцо, треснули ступени.

Никак мертвец в дом вошел?

Где же ты, солдат?! Чего тянешь?! Что задумал?!

Хлопнуло что-то. Бухнуло. Зазвенело.

Курица коротко крикнула.

Загрохотало в сенях, загремело, застучало.

И все смолкло...

Час лежали люди под потолком, рта открывать не смея.

Два часа лежали, боясь шевельнуться.

Три...

Только на рассвете, убедившись, что живы, выбрались из укрытий, лампадку зажгли, вооружились чем попало и опасно вышли в сени.

Деревянный болван был разбит неведомой силой: колода на три части раскололась, одна березовая рука на окне висела, другая у порога валялась, липовых ног и вовсе не было – они потом на улице нашлись, все поломанные, перекрученные. А от курицы только кровавые перья и остались.

Упырь лежал в углу – скорчившийся, черный, иссохшийся. В боку его торчал железный крюк, в затылок глубоко впился кривой медный нож, в развороченном рту намертво засел камень, похожий на череп.

А рядом с убитым мертвецом распластался солдат. Ран на его теле видно не было, и крови на пол не натекло, однако с первого взгляда как-то становилось ясно, что он мертв.

– Эх, мать, – тихо сказал дед, выпуская из рук свою берданку.

Хоронили солдата с почестями – гроб сделали крепкий, крашеный, настоящий, хорошего попа из соседнего села позвали, панихиду заказали, могилу вырыли на высокой светлой части кладбища, крест из старых рессор сварили – аж в человеческий рост.

А в низине за изгородью двумя днями раньше закопали и убитого упыря. Оставили на его могиле ореховый крест да доску с выжженным именем – вот тебе и вся память, сосед Николай.

Поминали солдата шумно, пьяно, весело. Самогон кутьей заедали, детей сладостями закармливали. Под вечер на улице никого не осталось – кто пьяный свалился, кто, за страшные дни страшно уставший, наконец-то уснуть смог.

И никто, кажется, не видел, как в три часа ночи на чистом звездном небе при полной луне вдруг появилась низкая тяжелая туча, как в считанные минуты она набрякла и расплылась и в брюхе ее засверкали зарницы, похожие на огненных червей – некоторые из них прорывались наружу, вонзались в кладбищенскую землю, в свежие могилы.

Не прошло и часа – странная гроза стихла. Туча растворилась словно дым, так ни капли и не пролив. Погасли призрачные огни на могильных крестах.

Еще минута-другая – и горячая земля вздохнула, зашевелилась. Покосились ограды, полопались могильные плиты, с треском завалилась огромная береза, и лопнул старый дуб.

А потом накренился, повернулся и выворотился из земли сваренный из старых рессор крест. И словно бы пасть в могиле открылась – черная глотка с обломками гробовых досок вместо зубов.

И там – в глотке этой – ворочался кто-то.

Выбирался...

Рано утром, когда петухи только голоса пробовали, в окно постучали.

Дед спал чутко, как все старики, поэтому глаза открыл сразу, но не сразу понял, что его разбудило.

Через минуту стук повторился – кто-то шлепал по стеклу ладонью; стекло дребезжало, будто жаловалось.

Дед спустил больные ноги на пол, сунул их в валенки. Поднялся, кряхтя, за спинку кровати цепляясь. Постоял, выжидая, привыкая к боли.

– Что там, батя? – тихо, чтоб не потревожить детей, спросил взрослый сын.

– Спите, – махнул рукой старик.

Он отдернул занавеску, выглянул в окошко, но ничего не разглядел в тумане.

С улицы опять стукнули – теперь на крыльце.

– Спите, – повторил дед и, взяв берданку, похромал в сени.

Уличная дверь была заперта. Старик потоптался перед ней, слыша какие-то звуки, спросил тихо, почти прошептал:

– Кто там?

– Это я. Открывай.

Голос был знакомый, только вот чей – дед спросонок вспомнить не мог.

– Ты, что ли, Михалыч?

– Открывай, я на минутку всего, – отозвались из-за двери.

Старик сдвинул щеколду:

– Ну, чего тебе? Похмелиться пришел? Нашел тоже время...

Черная фигура, окутанная туманом, шагнула на порог. Пахнуло землей и сыростью, повеяло холодом.

– Михалыч?

Нет, это был не сосед.

В дверном проеме стоял солдат – тот самый, которого они похоронили, на чьих поминках кутью ели и самогоном запивали.

– Ну вот и свиделись, хозяин.

Берданка выпала из дрожащей руки.

– Ты... Ты...

– Не ждал? Так ведь я за платой своей пришел. Где вы ее спрятали? Под печкой? А вещи мои собрали, как я велел?

– Ты же умер! – выдохнул старик.

– Три года назад, – кивнул солдат. – Там, где я был, не осталось живых.

– Но ты убил упыря...

– А это часть моей работы. Вербовщик не остановился бы, пока вы все не оказались бы на кладбище. Поэтому первое, что делает поводырь, – убивает вербовщика.

– Зачем? – Старик опустил на колени – ноги не держали.

Солдат усмехнулся, глядя на него, пожал плечами – чего, мол, тут непонятного.

– Вы должны жить. Вы – наш резерв, наш племенной скот. Откуда мои хозяева станут брать свежих мертвецов, если живых людей не останется? Рожайте детей, растите их – пока не придет время. И тогда кто-то из вас превратится в нового вербовщика. И он опять пойдет по деревне – от дома к дому, от семьи к семье...

Солдат по-хозяйски шагнул в темный тихий дом, прошел через комнату, сунул руку под печку и вытащил узел с серебром и золотом. Проснувшаяся от шума старуха глянула с лежанки в его сторону – да и обмерла, обомлела. На полатах завозились потревоженные дети, что-то испуганно спросила у мужа молодая хозяйка.

– Спите, – велел солдат. – Рано еще.

Он снял с крюка свою торбу, сунул в нее полученную награду и вернулся в сени.

Опомнившийся старик встретил его у порога: крепко вцепился в берданку, резко вскинул ее к плечу. Выплеснувшееся из ствола пламя ударило солдата в лицо – он покачнулся, отступил на шаг, но не упал. Из разбитой глазницы мертвеца вывалились сплюснутая пуля, покатила по полу.

– До свидания, старик, – тихо сказал солдат. – До скорого свидания.

Он подвинул плечом хозяина дома, толкнул дверь и растворился в тумане.

Задышающийся старик прыгнул за ним, растопырил руки – но ловить было уже некого. Он бросился к забору, повис на калитке, лепеча что-то, умоляя или проклиная – не разобрать.

А мимо него в сырой серой мгле проходили по деревенской дороге люди. Брели медленно, шаркали, спотыкались, следуя на северо-запад за своим поводырем в галифе и шинели без знаков различия. Евсей Халимов, Василий Конев, Настя Степанова, Трофим Блохин – двенадцать человек, двенадцать вставших из могил мертвецов.

Пополнение...

ЧТО ТАМ?!

Хозяева просыпаются от малейшего шума, их лица делаются похожими на восковые маски, глаза – на стеклянные пуговицы. Двери заперты, ставни закрыты, продухи заложены – никому не пробраться в дом. Но они не чувствуют себя в безопасности. Каждый день и каждую ночь, каждый час и каждую минуту страх не отпускает их. Они знают – рано или поздно придет их очередь. Они помнят – смерть рядом. Может быть этой ночью, а может через год брякнет что-то на крыльце, или стукнет на крыше, или хлопнет по наличнику – и на рассвете их станет на одного меньше...

ЧТО ТАМ?! Осенний ветер в трубе воет? Подтаявший снег проседает? Февральская выюга окно царапает?

Или это смерть уже подходит к их дому?

Страшно!..

* * *

После того, самого первого письма – помните? – из крымского Коктебеля я получил немало писем из Советской России. Из всех ее нынешних кусков, разнообразных и невероятных частей некогда самой загадочной страны. Люди писали о прошлом, писали о настоящем, о том, как изменилась их жизнь после Пришествия.

Некоторые снова и снова переживали самый первый день, первые недели памятного августа 1939-го, когда мир неожиданно и теперь уже неотвратимо свернул с начертанного пути. Любопытно, что сообщения из одних и тех же мест и о схожих событиях зачастую противоречат друг другу. Я не знаю, как объяснить этот факт, просто отмечу его на будущее. Может, сама структура нашего пространства-времени сопротивляется Пришествию? А может, ОНИ своим присутствием смещают окружающую реальность.

Иногда я думаю, что Затворник, разглядевший Мифы силой своего разума, был бы счастлив читать документальные подтверждения его идей. Много, конечно, выглядит иначе, многое он просто не смог объять в своих пророческих полуснах-полукошмарах, но иногда реальность совпадает с ними в таких мельчайших деталях, что становится не по себе.

Кто же он был, скромный журналист и собиратель древностей, что так любил уединение и одновременно вел переписку с половиной мира? Кто был и куда исчез так внезапно за несколько лет до Пришествия? На самом ли деле он умер? В газетах я нашел всего лишь краткий некролог на 15-й странице, где публикуют известия мэрии о свадьбах и похоронах.

Жаль, что он сейчас не стоит за моей спиной и не читает эти письма.

Рыжая бестия

Игорь Красноперов

Проспект Энтузиастов кипел и пенился жизнью.

Полуторки, нетвердо покачиваясь на рессорах, везли по универсам, сельмагам и прочим галантереям отрезки ситцу, вязанки калош, жестянки гуталина и прочую, не менее необходимую гражданам, продукцию. Авто аппаратчиков, сыто поблескивая черным лаком, спесиво крякали клаксонами на суетливых обывателей. Трамваи, внося вклад в общую сумятицу, загрохотом звенели и сыпали почти бесцветными искрами. Бравый регулировщик, установленный посреди перекрестка с целью руководства движением, бодро размахивал белыми перчатками. По тротуарам фланировали нарядные граждане.

Синеву осеннего неба украшал собой крутобокий баллон аэростата. Под его раздутым брюхом трепался ветром кумач транспаранта, звавшего выполнить пятилетку в три года. А где-то уж совсем высоко, едва видимые невооруженному глазу, орлами парили сталинские соколы, оборудованные моторами вместо сердец.

Низкое солнце, отражаясь в окнах бывших Романовских мануфактур, а ныне фабрики Борцов Революции, рдело праздничным багрянцем. И мудрый вождь, взирая с фасада на всю эту муравьиную толкотню, улыбался по-отечески мудро.

В небольшом сквере, отделенном от проспекта невысокими кустами и кованой решеткой, вернув ежедневный трудовой долг советской родине, отдыхал Антон Копытин, шофер управления треста Межкрайсвязьстрой. «Комсомолка» и «Крокодил», прочитанные от корки до корки, лежали в сторонке, и иных занятий, кроме как глазеть на гуляющую публику, не осталось.

По причине неурочного времени народу в сквере было негусто, но редкий прохожий не косил глазом в сторону Антона. Габардиновое пальто с подбитыми ватой плечами, коверковая костюмная пара, американские полуботинки на пупырчатом каучуке, лихо заломленная обширная кепка-восьмиклинка, краем достающая до плеча, – все эти признаки достатка вызвали интерес. Да и сам он пусть не красавец, но в толпе выделялся: высокого роста, с фигурой завязанного физкультурника, с открытым улыбчивым лицом.

Другой бы на месте Антона сидел задравши нос, но сам он ко взглядам давно привык и не обращал на них внимания. Лишь когда любопытствовала какая-нибудь симпатичная гражданочка, он оживлялся, на губах появлялась приветливая улыбка, а пальцы касались кепки, словно намереваясь ее приподнять.

К его сожалению, дальше прысканья в кулачок дело не шло, но он не особо и торопился: до тренировки оставалось еще больше трех часов, и их требовалось как-то убить. Так почему бы не провести их, разглядывая ножки проходящих барышень.

Внезапно его внимание привлекла ворона.

Выглядела она неважно: сквозь растрепанные перья, блекло-серые, словно вываренные в щелоке, проглядывало множество проплешин; шея, криво изломанная у основания, едва держала голову; крылья, изрядно прореженные, волочились по земле; левая лапа пусть еще справлялась с весом тела, но была неестественно вывернута и, казалось, вот-вот подломится; глаза, бельмастые, по виду слепые, смотрели в разные стороны.

Но, несмотря на весь этот ущерб, птица довольно спорно ковыляла в его сторону от стены чахлого кустарника, что отделяла сквер от проспекта.

Антон, завидев такое упорство, уважительно хмыкнул и решил понаблюдать за увечной животинкой.

Однако не только он проявил заинтересованность – на ближайшие деревья понемногу слеталось все больше воробьев. Поначалу они, сзывая сородичей, просто звонко перекликались, но постепенно их гомон становился все оглушительнее. Когда шум достиг невероятной силы и плотности и словно бы заполнил собой все вокруг, Антон досадливо поморщился, потянулся за газетами...

В этот миг на мир обрушилась тишина.

Но не полная и окончательная – в ней отчетливой дробью разносился цокот подбитых каблучков.

Было то совпадением или нет, но смолк не только воробьиный ор, но еще и калечная ворона, до этого упорно ковылявшая к Антону, будто врзалась в невидимую стену и, опав ворохом растрепанного рванья, замерла на месте. Впрочем, ее бельмастые глазки словно приклеились к Антону, и темные искры, то и дело проскакивавшие в них, становились все острее и нетерпеливее.

Но Антон всего этого не видел. Повернув голову, он смотрел, как по аллее приближается довольно интересная гражданка. Он уже видел ее несколькими минутами ранее, когда проходила по тротуару с той стороны решетки. А увидев, запомнил – ведь там было на что посмотреть!

Длинные ноги. Крепкие, даже, на его вкус, чуть более мускулистые, чем хотелось бы, они при каждом шаге смело разглаживали складки юбки. Бедра тоже могли бы быть не так широки и покачиваться при ходьбе не столь вольно. Талия... Для таких бедер узковата. Грудь... И здесь некоторый перебор: крупная, слегка уставшая от собственной тяжести, она ритмично подрагивала под полосатой тканью блузы. Лицо... Принадлежи оно статуе, дотошный критик заявил бы, что ее создатель, то ли охладев, то ли увлекшись новым творением, чуть схалтурил под конец работы: нос слишком вздернут, крупной лепки; скулы чуть шире, чем требовали пропорции; губы цвета зрелой вишни и такие же налитые; волосы же...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.